

**Феликс Мухоморов**



**НУ, ДОПУСТИМ**



Феликс Мухоморов

**Ну, допустим**

«Автор»

2020

## **Феликс Мухоморов**

Ну, допустим / Феликс Мухоморов — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-97899-7

Важно: к написанию этой книги ни искусственный интеллект, ни прочая нежить ближе дистанции плевка подпущены не были. Никто никому ничего не должен. Казалось бы, в этой универсальной формуле - сокровенный смысл бытия. Но не для героя этого романа – обыкновенного подкаблучника. Будучи заботливым отцом и верным мужем, он совсем не хочет быть спасителем мира. Ему нравится варить на уютной кухне наваристый борщ, ведя неспешные беседы со своим отличающимся оригинальностью суждений внутренним. Но однажды ему пришлось встать на защиту тех, кого он любит. Могущественные артефакты - Хрустальные Черепа, случайно доставшиеся землянам от древней и таинственно исчезнувшей тысячи лет назад цивилизации ольмеков, оказались в опасных руках. Ждут читателя и встречи с Древними Богами, внезапно проснувшимися из тысячелетней дремоты, и исследования Пирамид Центральной Америки в неожиданном ракурсе, и лёгкое соприкосновение с тайнами Ордена Вольных Каменщиков, и кое-что, о чём не принято вслух, и...

ISBN 978-5-532-97899-7

© Феликс Мухоморов, 2020

© Автор, 2020

## Содержание

Глава 1. Этика и эротика – не близнецы ли сёстры?	6
Глава 2. Пара слов о рекурсивности сомнений	8
Глава 3. Держать ли голову в холоде?	11
Глава 4. Замечал ли кто Хемингуэя в дуэлянтах?	13
Глава 5. Если подумать о побочных эффектах теорем Гёделя...	17
Глава 6. Тайны наполняют смыслом тишину	22
Глава 7. Без спешки не выловишь и одышки	27
Глава 8. Все болезни от нервов	32
Глава 9. Мох – не птица перелётная, но тоже тянется на юг	40
Глава 10. Загадочнее тайны только тайна неразгаданная	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

# Феликс Мухоморов

## Ну, допустим

All characters appearing in this text are invented by me. Any resemblance to real people, gods, or other beings, living, dead, or undecided yet, was, is and will be absolutely coincidental.<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> Все персонажи, появляющиеся в этом тексте, вымышлены мной. Любое сходство с реальными людьми, богами или иными существами, живыми, мертвыми либо пока не определившимися, было, есть и будет абсолютно случайным

## Глава 1. Этика и эротика – не близнецы ли сёстры?

– Зануде взнетерпелось вдруг меня пообонять? – озорно прозвучал из темноты необычайно мелодичный, отдалённо напомнивший мне нежный звон хрупких, подвешенных на тоненьких ниточках в опасной близости друг к другу и наперебой обсуждающих между собой малейшее движение воздуха обсидиановых пластинок, голос Головы, – может, даже поосязать?

Окружающая меня крошечная мгла неожиданно игриво ущипнула меня за левую щёку.

– Наверное, и голенькой меня увидеть размечтался? Ах, как я тебя понимаю, шалунишка...

В этот раз та же непроглядная тьма бесцеремонно потрепала покрывшуюся суточной щетиной мякоть уже на правой стороне моего лица.

– Придётся потерпеть!.. Право, не время сейчас, малыш, – поддразнил меня до самых мурашек на моей довольно толстой коже томный шёпот, невесомо легко защекодав меня где-то в междушии, – да и возможность эту надо ещё заслужить, мой герой.

– Фу, ну что за манеры?! – скривился я угрюмо, – прямо оторопь берёт. Давеча я был о Вас лучшего мнения, сударыня. Во-первых, на «ты» я с очень узким кругом. Во-вторых, я – любящий отец и муж – не давал никому повода со мной пошлить подобным образом. Даже Вам – Древним Богам. И в своих потребностях я привык ориентироваться сам, без сующих свой длинный нос куда не просят.

«Голенькой увидеть, ха!.. ты это слышал?», – это я уже своему внутреннему возмущённо.

«Да мы таких голеньких на Яндекс картинках, если захотим! – тут же горячо поддержал моё негодование мой внутренний, буквально минуту назад удалившийся, громко хлопнув дверью, куда-то вглубь меня, по обыкновению обидевшись непонятно на что. – Хотя... раз уж сами предлагают... стоит ли обижать отказом?», – задумался он вдруг со свойственной ему непосредственностью.

Чем это он там расхлопался? Я, конечно, сочувственно понимаю, как нелегко ему со мной, моему внутреннему: он же ярко выраженный экстраверт, а я – далеко наоборот. Но хлопать-то зачем внутри меня? А вдруг сломается там что? И кто чинить будет?

– Ух ты, жжётся!.. Прямо как настоящий!.. – выдержав две короткие, но успевшие вызвать у меня животное, с трудом мной подавленное желание куда-нибудь убежать и спрятаться, паузы, засмеялась вдруг Голова. То ли действительно с ноткой одобрения в голосе, то ли мне просто захотелось услышать то, чего не было и в помине.

– Ну что-ж, отец и муж, так и быть, – мелодично ласкающий слух до этого момента голос Головы с каждым произносимым ею в звонко вибрирующей темноте звуком терял прежнюю игривую лёгкость, становясь всё более гнетущим своей властностью, – я обещаю, что больше не стану с тобой пошлить.

– От спасибоньки, – выстрелило из меня неожиданно. Сам удивился. Всегда был тормозом, а тут. – Но, неплохо бы...

– Мы, Смотрители Стороны Мецтли, – звук её прервавшей меня фразы, вопреки всем законам акустики, ощутимо ударил из окружающей меня со всех сторон неизвестности буквально по каждой клетке моего тела, – даём этому... эй, как там тебя?

– Вы меня перебили. Я пытался сказать, что неплохо бы Вам поучиться обращаться к собеседнику на «Вы» для начала, – упрямо отозвался я.

– Этому зануде, – невозмутимо продолжила Голова, – официальные Полномочия до завершения им Согласованной Миссии.

– Не такой уж он и длинный, – постепенно затихающий во всё ещё обволакивающей меня неизвестности, будто удаляясь, голос снова как-то... потеплел, что ли? Хотя, употребим ли данный глагол в отношении Древнего Божества?

Короче, как мне показалось, прозвучала эта фраза слегка насмешливо и будто бы чуть укоризненно. А может, даже капельку дружелюбно. Хотя, скорее всего, последнее мне просто померещилось.

Только теперь я заметил, что по моему то ли плавающему, то ли висящему в непроглядной тьме телу текут реки пота.

«Интересно, куда именно они из нас текут?» – озаботился мой внутренний.

«Тебе интересно, ты и выясняй», – отмахнулся я.

«Да ну тебя!» – снова надулся внутренний. – «Ты чего злой-то такой сёдни?»

– Мы, Смотрители Стороны Тонатиу, даём этому редкостно самонадеянному нахалу официальные Полномочия до завершения им Согласованной Миссии, – пробурчал следом уже привычно брюзгливый голос босса той влюблённой парочки чертей, что намеренно нахально расплавили стену в моей кухне прямо над любимым моим чайником.

«Интересная здесь акустика», – заметил мой внутренний, явно передумав дуться.

«Ага», – лаконично отреагировал я.

– А инструктировать это убожество кто будет?! – продолжал тем временем брюзжать всё тот же невидимый во всепоглощающей тьме ворчливый голос, – ну да, как всегда! Именно нам достаётся самая грязная работа...

Примерно вот так как-то спустя промежуток времени неведомой мне продолжительности остался я с лопающейся от избытка вбитой в неё информации, непривычной к таким экзерцициям головой один-одинёшенек. Всё в той же полной неизвестности крошечной тьме. Ну и вляпался! Сидел, главное, у себя дома, на кухне, борщ варил. Никого не трогал. Даже мысленно. Вот за что мне всё это?

«Как это один?! А я?! – всхлипнул обиженно мой внутренний. – А кто тебе дал знать, что там морковка начинает подгорать?! Я что, уже никому не нужен?!»

В этот самый момент я и проснулся. Даже и не помню, успел я ему что-то ответить или нет. Надо будет спросить не забыть.

Сначала я поднял усилием воли непривычно тяжёлую голову с мокрой почему-то подушки. Затем и всё тело аккуратно, стараясь не шуметь, чтобы не потревожить сон моих смыслов, моих девочек, маленькой и малюсенькой, скovyрнул с постели в уютные объятия тапок, по обыкновению умудрившихся дружелюбно оказаться там, где вздумалось их искать моим сонным ногам.

Вам не приходило в голову, что домашние тапки – существа не совсем неодушевлённые? Меня на этот счёт терзают смутные сомнения.

## Глава 2. Пара слов о рекурсивности сомнений

– Для сомнений уже поздно, раз уж начали, – пробормотала начинающая свою карьеру журналиста-расследователя будущая властительница читательских умов Вероника Молина. По крайней мере, так она представлялась всякому представителю мужского пола, в чьих глазах видела хоть малейший проблеск интеллекта.

Это помогало ей перевести взгляд собеседника со своих вызывающих непроизвольное слюноотделение у большинства особей мужского пола по-девичьи трогательно округлых коленок цвета кофе-латте в область не то чтобы умопомрачительно красивого, но очень живого и выразительного смуглого скуластого лица с правильными для этих мест чертами и большими, обволакивающими собеседника, в нужный момент умеющими не мигать на протяжении требуемого времени глазами.

Благодаря этим своим природным данным и приобретённым годами учёбы умениям она с почти стопроцентной вероятностью могла при желании установить цепкий и плодотворный энергетический контакт со своей будущей жертвой.

– Где эта малышка Марисоль? Почему так долго? Ей же нельзя сильно светиться, у неё Экзамен на носу! – продолжала негодовать Веро<sup>2</sup>. – Будь при мне побольше этих глупых ничемных охламонов, я бы сунулась в самое пекло ей на выручку. Но с этими двумя...

Тут она скептически оглядела своё преданно пляшущее на неё воинство. Они, конечно, молоды, неплохо физически развиты и беспрекословно ринутся делать всё, что их Владычица прикажет, эти двое, но...

– Так, собрались и затихли! – скомандовала она зачем-то и без того молчаливым помощнику библиотекаря из университетской библиотеки, сегодня впервые в своей жизни не явившемуся на работу, и сыну владелицы небольшого продуктового магазина, деловито втиснувшегося в крохотное пространство на одном из перекрёстков поблизости от дома, где сама чародейка жила в съёмных апартаментах.

Команда её прозвучала так, будто она и вправду собиралась бросать их на штурм пункта охраны в UNAM<sup>3</sup>. Даже сама чуть себе не поверила.

Неожиданно её размышления о перспективах повторить подвиг Орлеанской девы превратило несанкционированное ею то ли покашливание, то ли бормотание одного из существ, полностью, как ей казалось, подчинённых её воле не далее, как сегодня утром. Такого до сих пор в её практике не случалось.

– Кхм... кхм–кхм... эмм... такой непривычно вялый артикуляционный аппарат... нда... встречать такое приходилось мне... сейчас припомню... в Месопотамии... эмм... но там присутствовал... сейчас вспомню... да, там присутствовали инсектотоксины... да–да... кхм... нейротоксические пептиды... эмм... *Androctonus Buthidae*<sup>4</sup>... здесь я их не чувствую совершенно, – закончил обескураженно бормотать себе под нос сын лавочницы.

– Хорхе, что ты сейчас тут наговорил? – удивлённо спросила Веро. Хорхе в ответ только молча моргал не выражающими ни единой мысли, кроме бескрайней преданности его Владычице, глазами.

---

<sup>2</sup> Веро (ударение на «е») – общеупотребимое сокращение испанского имени Вероника

<sup>3</sup> UNAM – Universidad Nacional Autónoma de México – Национальный независимый университет Мексики. Является крупнейшим в Северной и Южной Америке по числу студентов университетом

<sup>4</sup> *Androctonus Buthidae* (в переводе с древне-греческого – «убивающий мужчин») – один из самых опасных родов скорпионов. Достигает в длину 10 сантиметров

– Хорхе, я задала тебе вопрос! – поддала жару в голосе Вероника. Парень ещё больше налился кровью в лице, дрожь пальцев его рук усилилась, но он явно был не в состоянии произнести ни единого слова.

«Всё правильно, так и должно быть, я ни в чём не ошиблась, – старалась себя успокоить девушка, – эти никчемные носители своих ничтожных отростков сейчас полностью находятся в моей власти».

Однако её самоуверенные заявления не могли её убедить, что и понятно. Легко поддающиеся влиянию в виде внушения девушки никогда не становятся брухами<sup>5</sup>.

«Вы по природе своей почти неподвластны большинству технологий мысленной манипуляции. Включая самовнушение. Вот почему даже сильная ведьма может вылечить многих обычных людей, но!.. Она практически неспособна помочь самой себе или коллеге по цеху, если у той (или у того) профессиональный уровень не ниже, чем её собственный» – вспомнила Вероника уроки Маэстро.

– Эргхм... кхм... ургхм... здесь... всё ещё хуже... – неожиданно раздалось вновь почти внутриутробное бормотание. На этот раз звук шёл из совершившего свой первый в жизни прогул помощника университетского библиотекаря.

– Гм... гхм... вот... нашёл... эммм... ну да... здесь поработал... кхм... а вот и нет... не поработал... вот! Поработала! Угу–угу... именно поработала... поработала и поработила! Я бы даже сказал... поработила, в раба превратила... секундочку! Надо немного поправить... – тут удовлетворённый голос из недр будущего библиотекаря вдруг смолк.

Что с вами происходит, кабронес<sup>6</sup>? – обескураженно спросила Вероника, совершенно позабыв и о Марисоль, и о UNAM, и о цели её пребывания в окрестностях известного если не на весь мир, то на весь континент Университета.

– Здравствовать изволите ли, сеньорита? – наконец всё так же бодро раздалось через минуту, – своим секретом превращения людей в рабов не поделитесь? Да-да, я понимаю, рецептов много, но... чтобы так ошеломляюще быстро и... столь безжалостно эффективно, я бы сказал?..

Жизнерадостный и явно довольный собой голос теперь бархатисто раздавался откуда-то из области то ли гортани, то ли пищевода сразу обоих молодых людей, только сегодняшним утром обращённых ведьмой в молчаливо и беспрекословно послушных её воле сьервос<sup>7</sup>.

– Что за ... мальдита сеа<sup>8</sup>... сначала Хорхе, теперь Хуан, – пробормотала потерянно девушка, – мне это мерещится?

– Разве у Вас есть основания сомневаться в реальности происходящего? Позвольте полюбопытствовать, сударыня, какие же? Разумеется, если это не является чем-то чрезвычайно личным. Поверьте, я умею хранить чужие секреты!

– Смотри кто спрашивает! – оскалилась мгновенно собравшаяся в комок нервов и неплохо тренированных мышц Вероника, судорожно пытаясь вспомнить, где она спрятала от вечно возникающих невесть откуда федеральных<sup>9</sup> полицейских полиэтиленовый пакетик с порошком из высушенных особым магическим образом цветков высокогорной ежевики, дроблёного обсидиановым ножом при прочтении секретных заклинаний мясистого клубня картофеля, а также редкой в этих местах шкуры кенгуру – альбиноса, купленной у заезжего некроманта.

---

<sup>5</sup> Bruja (исп.) – ведьма

<sup>6</sup> Cabron (исп.) – в буквальном переводе – козёл. Однако, это – распространённая в Центральной и Южной Америке фамильярная форма обращения к знакомому мужчине или отзыва о нём. В большинстве случаев не считается грубым ругательством. В какой-то мере является аналогом русского «чувак»

<sup>7</sup> Siervos (исп.) – рабы

<sup>8</sup> Maldita sea! (исп.) – Проклятье!

<sup>9</sup> Distrito Federal (исп.) – Федеральный Округ. Столица США, Мехико, имеет статус одного из федеральных штатов

– Позвольте заметить, что эта экзотическая смесь Вам сейчас совершенно ни к чему... гм... сеньорита, стоит ли Вам так нервничать? Во-первых, Вы её забыли вынуть из рюкзака, которым снабдили Марисоль сегодня утром. Да-да, я ненамеренно оказался немного в курсе вашей затеи. Нет-нет, не думайте, пожалуйста, я не подсматривал! Это совершенно не в моих правилах, уверяю Вас! Случайно мимо проходил и вот... А, во-вторых, приготовленный с должным тщанием экстракт капсаицина из стручкового перца в подобных случаях не менее эффективен, – раздался всё тот же бодрый рассудительный голос с ноткой чуть слышимого сарказма.

– Кто ты такой?! – нервно спросила она у неожиданно для неё вмешавшегося в происходящее незваного и, что особенно её беспокоило, невидимого собеседника.

– Я Хорхе! Я Хуан! – одновременно вдруг громко выдохнули отчасти удивлённо оба молчаливых до сих пор парня. – А кто ты? – дружно осведомились они у Вероники. Молодые мужчины явно начали постепенно просыпаться из небытия её подавлявшей до сей поры их волю ворожбы.

Девушка лишь на пару секунд ошеломлённо оцепенела, а затем начала озираться цепким взглядом как будто в поисках пути отступления.

– Веро, что здесь происходит?! – сначала способность осознавать происходящее и требовать разъяснений вернулась к сыну лавочницы Хорхе, – что... что происходит? Что ты сделала с нами?! Начавший нервно переступать с ноги на ногу Хуан немо согласно кивал с каждым словом собрата по беде.

– Вы неправильно понимаете происходящее, мальчики. Сейчас я всё вам объясню... – попыталась вернуть неожиданно утраченный контроль над двумя явно недовольными сотворённым ею над ними колдовством мужчинами, – давайте-ка поиграем в уютный домик, чайку попьём и поговорим... где бы тут водички вскипятить? – беспомощно оглянулась ведьма на близлежащие кусты, обрамляющие канаву непонятного ей назначения. – Поможете мне набрать веточек?

– А вв.. вот ссс... сейчас... кк... костерок... ррр... разведём... пп... прямо ттт... тут – вдруг прорезался голос у никогда до сих пор не заикавшегося Хуана, – пп... поиграем в ууу... уютную иии... инкви... и...зицию...

Спустя пару повисших в воздухе, напоённых местами свежим, а местами прелым запахом ухоженных и недавно в очередной раз аккуратно подстриженных парковых насаждений, секунд напряжённой тишины и бездействия оба мужчины, как по команде, будто мысленно сговорившись, синхронно бросились догонять попытавшуюся было убежать свою недавнюю Владычицу. В несколько прыжков они настигли и схватили начавшую яростно брыкаться и грязно ругаться ведьму, после чего, не произнося ни слова, энергично принялись с очевидным удовольствием окунать её лицом в чавкающую под ногами зловонную грязь канавы.

– Э, нет, господа! – раздался неожиданно над ними негромкий детский голос. – Такое делать я вам не позволю! А ну, выньте немедленно из этой мерзости её голову!

### Глава 3. Держать ли голову в холоде?

«Ну и голова, и что?», – недовольно поджала губы сеньора Альтаграсия Санчес (для своих – Тита<sup>10</sup>, с ударением на «и»), мельком глянув в карманное зеркало.

«Подумаешь!» – продолжала она размышлять, со свойственной ей аккуратностью выполняя ежедневный монотонный рабочий распорядок секретаря-администратора в официально двухэтажном (в действительности трёхэтажном) доме, занятом по-домашнему уютным офисом небольшой иностранной фирмы экологической направленности.

Размещено оное строение было в довольно вместительном дворе, что на этой улице считалось редкостью. Внутренние дворики в плотно прижавшихся друг к другу соседних домах были куда более тесными.

Возможно, именно поэтому во время регулярно проходящих мимо и сопровождаемых сонными и ни во что не вмешивающимися полицейскими мирных манифестаций в этих двориках-колодцах так любопытно резонировали и отдавались эхом лозунги из серии: «El pueblo unido jamás sera vencido!»<sup>11</sup>

Во дворе возле очевидно главенствующего здесь здания стояли несколько огромных керамических горшков с упитанными и явно довольными устроенностью своего существования, разнообразными в степени мясистости листьев и длине покрывающих их колючек кактусами.

Из себя оное строение представляло собой типичную для этих мест конструкцию из двух основных этажей, довольно высоких по местным стандартам, и плоской огороженной крыши с обычно востребованными в таких районах, но пустующими ныне помещениями для хозяйственных нужд и проживания в случае необходимости отсутствующей в данный момент постоянной прислуги.

По периметру двор был украшен трёхметровыми, небрежно оштукатуренными стенами соседних домов с вмонтированными в верхнюю их часть гвоздями и умело отколотыми бутылочными донцами. Местный колорит во всей красе.

Въезд был контролируем крепкими стальными воротами с хищно торчащими заострёнными пиками, в закрытом состоянии надёжно смыкающимися, подобно акульей пасти, с оскалившейся такими же остриями нижней челюстью надворного навеса.

Присутствовали также крытая парковка для нескольких на первый неискушённый взгляд старых и потрёпанных, но довольно жизнеспособных в действительности автомобилей, и отдельно стоящее поодаль неброское одноэтажное строение, приспособленное под некую лабораторию, куда вход был запрещён практически всем, кроме русских. Даже самой Тите.

Располагалось всё вышеописанное неподалёку от дорогого сердцу каждого жителя Мехико парка Чапультепек<sup>12</sup>. Возможно, именно это обстоятельство создавало в атмосфере неспешно функционирующего офиса некое ощущение причастности всех его обитателей к чему-то если не эпохальному, то, по крайней мере, исторически значимому.

«Было бы о чём переживать, Мадре Санта... Голова – это мы осилим... Будь рядом непутёвый Марио Санчес, можно было бы вообще не думать об этом. Он бы мигом добыл. Но этот каброн будто сгинул в своём Канкуне, отправившись на заработки шесть лет назад. А нашей старшей, Марисоль, давно пришла пора получать благословение Маэстро и становиться начи-

---

<sup>10</sup> Tita – общеупотребимое сокращение от красивого испанского имени Altagracia (в буквальном переводе – Высокая Грация)

<sup>11</sup> Объединившийся народ никогда не будет побеждён (исп.)

<sup>12</sup> Chapultepec (в переводе с древнего языка науатль – Холм Кузнечиков) – центральный парк Мехико площадью более 700 гектаров. Здесь находились дворцы сначала ацтекского правителя, а затем, после вторжения первой волны колонизаторов, и испанского вице-короля. Предмет национальной гордости и популярное место отдыха жителей столицы

нающей ведьмой – брухой принсипианте», – продолжала неторопливо бормотать себе под нос мать троих детей, оформляя грошовые чеки этим странным русским инженерам.

«У нас, в Мехико, инхеньерос<sup>13</sup> в белых брюках ходят и все такие важные. Высшее образование здесь очень дорого и доступно далеко не каждому. А эти, приехавшие из далёкой России, совсем на белую кость непохожи!»

«Вот уж кого я дочери околдовывать не дам, когда она сдаст свой Экзамен, – продолжала она размышлять вполголоса, – эти русские – гольтьба, хотя они и приятны женскому глазу, чего греха таить. Ах, эти квадратики на их плоских бледных животиках во время их тренировок, о которых, выразительно закатывая глаза, вполголоса рассказывала ей мучача<sup>14</sup> Гвадалупе, еженедельно занимающаяся уборкой и стиркой постельного белья в снимаемом для инхеньерос доме».

«Пора уже какого-нибудь гринго<sup>15</sup> с дряблым пузиком начинать дочери присматривать», – не без труда вернула себя Тита в русло практических умопостроений. – «Лучше из Техаса, у тех деньги всегда водятся. А вот у этих русских, похоже, их в обрез. Они что-то многозначительно секретничают в своей крохотной лаборатории за закрытой дверью, а сами едят самого дешёвого консервированного тунца с заваренной кипятком лапшой», – удивлялась повивавшая всякое мексиканка.

– Ола<sup>16</sup>, Тита! – прервал её негромкий мужской голос. – Что с головой?

– Ух ты, чёрт, напугал! – ответила женщина, непроизвольно проверяя рукой тщательно уложенную причёску, – крадёшься, как росомаха. С головой всё решим. Знакомый моего мужа работает на одного человека в городе Веракрус. Он очень важный в тех местах сеньор.

– И что?

– Как что? Тот обещал помочь раздобыть такую, какую вам надо. Только придётся вам туда самим поехать и забрать, когда он позвонит. Да, сказал, чтобы вы запаслись средством от комаров.

Умудрённой опытом женщине вдруг показалось, что этот довольно привлекательный на её взгляд мужчина при слове «чёрт» слегка напрягся. Или почудилось? Поправив очки и взглянув внимательно, она увидела на его выразительном лице обычное выражение почти детской озабоченности.

– Веракрус? Далековато! А поближе нет?

– Не нашла, – обиженно поджала губы Тита, – извини. Возьми эти и ещё вон те газеты. И вот тебе телефон, амигито<sup>17</sup>. Поищи-ка сам. В супермаркетах я до сих пор таких вещей не замечала.

---

<sup>13</sup> Ingeniero (исп.) – инженер

<sup>14</sup> Muchacha (исп.) – в буквальном переводе – девушка, однако здесь очень часто это слово используется в значении «приходящая прислуга», причём независимо от её возраста. Нередко здесь мучачами могут называть совсем юнцы женщин возраста их матери

<sup>15</sup> Gringo (исп.) – иностранец, чаще всего североамериканец

<sup>16</sup> Hola! (исп.) – Привет!

<sup>17</sup> Amigito (исп.) – дружочек

## Глава 4. Замечал ли кто Хемингуэя в дуэлянтах?

Замечательны своим разнообразием возможности, предоставляемые окружающей действительностью человеку, решившему дерзнуть и пересечь границы сразу нескольких штатов.

Путешественник, обладающий не сконцентрированными в чрезмерно узких рамках финансовыми возможностями и быстрым современным автомобилем, наверняка оценит по достоинству возможность комфортно и почти безопасно перемещаться по платной, охраняемой властями Соединённых Штатов Мексики (я не шучу, а лишь привожу официальное название государства, где мы с вами мысленно сейчас находимся) автомагистрали, периодически останавливаясь на так называемых «касетах» – пунктах внесения немалой, но далеко не самой высокой на этом материке платы за проезд. Это – способ номер один.

Для более экономных автовладельцев существует некоторое количество бесплатных автодорог, не особо широких и ухоженных, но, на удивление вполне пригодных для небыстрого перемещения, например, повидавшего на своём веку и не слишком приметного пикапа. С парой небогато одетых, достаточно небритых для этих мест и в меру угрюмых гринго на борту с широкими рубахами навывпуск из плотного неброского материала.

Что может быть скрыто под их свободно свисающими полами? Допустим, учебник физики для средней школы. Может быть, Библия. Или тщательно очищенный, смазанный и неторопливо пристрелянный где-нибудь в дальнем и безлюдном уголке Маркесы<sup>18</sup> предмет, всеми своими причиндалами удивительно смахивающий на револьвер.

А можно просто, не мудрствуя лукаво, приобрести самые обычные бумажные билеты в донельзя потрёпанный междугородный автобус, купленный очень недорого местной транспортной компанией у своей североамериканской товарки, списавшей оного трудягу со своего баланса спустя лет двадцать его эксплуатации. В довольно щадящих условиях, надо признать. Не в тех, что приходится переживать старичку сейчас.

Достаточно прийти на посадку в этот покрытый местами шелушащейся бронёй из многочисленных слоёв краски шедевр индустриального ренессанса заблаговременно, пока никто не успел с милой непосредственностью занять ваше место, усесться в нём насколько возможно удобно, запасшись в путь необходимыми припасами, чтобы часами неспешно наслаждаться доступной взгляду сквозь мытое только дождями окно экзотикой.

Неравнодушному последователю Марко Поло будут несомненно интересны виды, открывающиеся из автобуса в мир известной своими контрастами, но богатой в действительности не только ими, но и любопытными полутонами мексиканской провинции. Не оставит равнодушным настоящего естествоиспытателя и особая экосистема, образующаяся во время пути внутри этого неторопливо чадающего клубами чёрного дыма транспортного средства.

– Как мы его узнаем? – озабоченно поинтересовался сидящий у окна сухощавого вида подтянутый мужчина более чем средних лет, принадлежащий к той уважаемой женщинами породе сильной половины человечества, представителей которой они безошибочно распознают как достойных доверия, руководствуясь врождённой женской способностью узнавать о мужчине многое и сразу, отнюдь не разглядывая его в упор.

– Предполагается, что это он узнает нас, – вполголоса ответил его коренастый спутник, дружелюбно улыбнувшись смуглому семейству, состоящему из чуть более чем рубенсовских пропорций мамы, четверых детишек мал мала меньше и полудюжины узлов, корзин и сумок.

Невесть как уместившаяся на двух соседних сиденьях ячейка местного общества с нескрываемым любопытством и полным отсутствием стеснения разглядывала двух гринго,

---

<sup>18</sup> Marquesa – обширный лесной массив в окружающем Мехико горном массиве, которому присвоен статус Национального парка

сидящих через проход от них, возбуждённо шмыгая носами и разноголосым хором обсуждая всё увиденное и показавшееся им интересным.

– Не слишком ли скоропалительным было решение наших настолько довериться Анчоусу? – продолжал сомневаться первый, – не он ли тогда, на шашлыках, всей Маркесе громкогласно вещал, что был тут некогда чуть ли не главным резидентом советской разведки? Про пропавшую бесследно группу спецов на границе со Штатами только ленивый не слышал.

– Когда это было... Просто перебрал маленько человек с устатку, с кем не бывает. Тем более, никто ему особо доверять-то и не собирается. Деньги он получит только после нашего с тобой возвращения с... эмм... нужным артефактом. И адреса его все нам известны, не скроется, если что. Ну он же не дурак, в конце концов. У тебя там печеньица какого или конфет не припасено?

– Неужто у меня да вдруг и не припасено, – сменил наконец хмурость на довольную улыбку сухощавый, – обижать изволите, сударь... – чай, не впервой, – продолжил он, с явным удовольствием доставая из лежащих под сиденьем объёмных чёрных пластиковых пакетов несколько больших прозрачных мешков со всё ещё тёплой, сладко-липкой, щедро сдобренной корицей и издающей умопомрачительный аромат на весь автобус фирменной выпечкой из ближайшего к автостанции супермаркета «Supermata».

– Давай-ка угостим детвору. Ручонки-то у них немыты... пусть хоть вот этими салфетками, что ли, протрут, – добавил он, передавая содержимое пакетов товарищу.

Весь дальнейший путь до Веракрус двух совсем уже не гринго, а, наоборот, очень даже теперь кабайерос<sup>19</sup>, был добротнo приправлен приятно обволакивающей своей непосредственной искренностью приязнью всех присутствующих в автобусе детей и неназойливо доброжелательным одобрением их взрослых сотоварищей по путешествию.

– Основанный испанскими завоевателями в начале шестнадцатого века, Веракрус очень скоро стал крупным портовым городом, – прочёл вслух коренастый в найденном на автостанции бумажном путеводителе.

– Ну это-то понятно, колонизаторам надо было награбленное здесь в Старый Свет как-то вывозить, – подумал он тоже вслух.

– Довольно популярен среди местных туристов в период с ноября по май, – продолжил он читать, – курорт не настолько широко известен за пределами страны, как Канкун или Акапулько, но пляжи, волны, пеликаны, марьячес<sup>20</sup> и рестораны с марискос<sup>21</sup> здесь тоже представлены на должном уровне...

– А вот и они...

– Кто?

– Марьячес. Встречают нас, говорю, с оркестром... – пробормотал сухощавый, лёгкими движениями как бы невзначай оглаживая, будто поправляя, все карманы на своём отдалённо смахивающем на разгрузочный туристическом жилете, – значит, не дурак Анчоус, говоришь?

– Может, он тут ни при чём. Может, вообще ждут совсем не нас?

– А кого ещё?

– Ну, не знаю... Да глупость же, на центральной автостанции самого крупного в этом штате города так нагло выставляться напоказ, да ещё с таким арсеналом. Они же сейчас – образцовая мишень не только для умелого стрелка, но и для всех местных сплетников и журналистов, случись что.

– Дело в том, что как раз они-то точно знают – ничего не случится. Сунут нам под нос удостоверение местного разлива и попробуй рыпнись.

---

<sup>19</sup> Caballero (исп.) – рыцарь, благородный всадник, достойный уважения человек

<sup>20</sup> Mariaches (исп.) – исполнители в традиционно популярном в мексиканской культуре народном песенном жанре

<sup>21</sup> Mariscos (исп.) – морепродукты

– Ну так и что? Нас вдвое больше, чем один Хемингуэй<sup>22</sup>.

– Окстись! – хмыкнул сухощавый, – я пока вижу лишь два варианта. Либо мы сейчас тут остаёмся, притворяемся лёгкой и испуганной добычей, автобус пустеет, они заходят и сначала тихо пеленают нас, как грудничков, а затем мы там, куда они нас привезут, освобождаемся и...

– А второй? – спросил коренастый, сунув правую руку себе за левый отворот джинсовой куртки.

– Тоже пока стрельбы не подразумевает. Выходим, как ни в чём не бывало, в гуще трудящихся. Два простых туриста, любители экзотики. Тогда им придётся сначала ещё раз проверить, что мы – это точно те, кто им нужен. Потом нас, как минимум, надо официально принимать на виду у кучи народа, везти в местное отделение... больше свидетелей и возни, то есть времени и вариантов уйти...

– Мне нравится второй!

– Deje me ayudarle, senora!<sup>23</sup> – дружелюбно улыбнулся сухощавый соседке, беря у оторопевшей от такого внимания мамы четверых детей пару корзин. – Не возьмёшь вон тот узел у дамы? – обратился он уже к своему товарищу.

– А... железо куда? Сбросим здесь?

– Угадай. И вспоминай свой английский. С этими лучше только на нём. Они тут все своих северных соседей дюже уважают.

– Скорее, бояться, как кролики волка...

– Йес, оф коорс!<sup>24</sup> – громко сотряс воздух коренастый в десятке метров от автобуса, как бы продолжая беседу со своим компаньоном.

– Итыз ффакен анбэллывыбыл!<sup>25</sup> – вскричал он тут же, тыча пальцем в направлении показавшейся из-за окружающих строений маковки католической церкви, спонтанным этим жестом чуть не выколов глаз одному из встречающих их крепких молодых мужчин с цепкими взглядами, одновременно совершенно случайно брызнув слюной восторга прямо в лицо второму, заставив того инстинктивно зажмуриться.

– Юаррайт ма фрэнд!<sup>26</sup> – поддержал его столь же громко и с не меньшим энтузиазмом сухощавый, подпустив в голос слащавых ноток и взяв товарища за руку.

Пятёрка встречающих, увидев это и услышав английскую речь, вдруг дружно замедлились, явно опечалившись, затем с выдающей профессионалов синхронностью материализовались в сторонке вокруг стоящего там шестого, самого упитанного из них, и начали с ним о чём-то раздражённо совещаться.

– А голубков-то нам зачем изображать? – одними губами выразил недовольство коренастый, сохраняя на лице неискренне блаженную улыбку.

– Придётся, – не менее недовольно тихо ответил сухощавый. – Во-первых, они такого ну никак не ожидали. Эта их заминка – в нашу пользу. Во-вторых, смуглый с серьгой и пончик – они самые, голубчики... а пончик у них явно за старшего... каждый из них минимум на полсекунды замешкается, целясь в нас.

– Принято, полсекунды часто всё решают. Экскьюзмы, лэйдыз! Куд ю хэлпас?<sup>27</sup> – обратился он по-прежнему громко к паре опрятно одетых мексиканок бальзаковского возраста с двумя неотличимыми внешне пластиковыми чемоданами на колёсиках, выглядящих полу-

---

<sup>22</sup> Однажды Хемингуэй получил вызов на дуэль от более молодого, наглого и явно умеющего хорошо стрелять, в отличие от писателя, недруга. Тогда, воспользовавшись правом выбора оружия, Эрнест предпочёл пару противопехотных гранат. Узнав об этом, вызывавший его юноша с удивившей всех поспешностью тут же отозвал свой вызов

<sup>23</sup> Позвольте помочь, сеньора! (исп.)

<sup>24</sup> Yes, of course! (анг.) – Да, конечно!

<sup>25</sup> It is f... (не очень цензурно) unbelievable! (анг.) – Это чертовски невероятно!

<sup>26</sup> You are right, my friend! (анг.) – Вы правы, мой друг!

<sup>27</sup> Excuse me, lady! Could you help us? (анг.) – Извините, леди! Вы не могли бы нам помочь?

чившими более-менее достойное по местным меркам образование, а значит, вполне свободно говорящих по-английски.

Завязав беседу с изъявившей готовность оказать посильную помощь двум иностранным джентльменам парой словоохотливых дам, оказавшихся двоюродными сёстрами, товарищи продолжили свой путь уже в их компании. Менее чем через минуту к ним присоединился и встречающий их муж одной из женщин, немногословный мужчина в уменьшенной копии тexasской шляпы и тёмных солнцезащитных очках с полным ртом жевательной резинки.

У сестёр они получили более чем исчерпывающие разъяснения, в каких отелях здесь стоит останавливаться иностранцам, а в каких нет, в каких ресторанах можно есть, а какие нужно обходить стороной, и даже на каких местных заправках следует заправлять автомобиль, которого у кабальерос с собой явно не было.

Распрощаться со своими словоохотливыми помощницами и их молчаливым спутником мужчинам удалось только на третьем от автовокзала перекрёстке. Преследователей своих они при беглом осмотре близко не обнаружили, а проводить более внимательные изыскания решили не делать до поры.

– Садимся в тот зелёный драндулет и едем пару остановок.

– А он туда хоть едет, куда нам надо? Номер маршрута другой.

– Одно из двух: либо нам нужно, чтобы нас отсюда увезли в худо-бедно прикрывающей нас массе пассажиров, либо станем ждать нужный нам маршрут, стоя безоружными мишенями на пустынной улице. Давай, сначала внутрь заскочим, а там уж дальше подумаем?

## Глава 5. Если подумать о побочных эффектах теорем Гёделя...

«Если подумать, этого просто не может быть. Мне это мерещится», – подумал я, продолжая вдумчиво ёрзать острым лезвием ножа по беспомощно распластавшемуся на доске из досуха выжатой гевети пучку пусть и невзрачного, зато выращенного на своей грядке укропа. Всего с одной банки?! Мне и с трёх никогда ничего не мерещилось.

Покрытая моими собственными руками глянцевой плиткой «под светлый мрамор» кухонная стена слева от меня неожиданно стала вдруг таять самым наглым образом. Будто кто-то подул огромным феном на матово-серую, покрытую мраморными разводами ледяную поверхность замёрзшей не вчера уже реки.

Ширящаяся на глазах проталина образовалась чуть правее предсказуемо надёжной, как все немецкое, кухонной плиты и сразу над напоминающим лампу с раздражённо резким джином внутри керамическим электрочайником с режимами для всей палитры чаёв от белого до чёрного.

В возникшей дыре с размытыми очертаниями границ, скрываясь периодически в густых клубах умопомрачительно вкусно пахнущего пара, вырывающихся из намеренно неплотно накрытой кастрюли с уютно булькающим борщом, показались два чёрта.

Да-да, именно чёрта. И да, именно два. Ну, или, может, две... чёрт их там разберёт... я не присматривался как-то.

Ни на гоминоидов с длинными цепкими конечностями, ни на устало потеющих в своей спецодежде аниматоров они нисколько не походили. Это была самая настоящая нечисть, что я каждым вздыбившимся на своём тщедушном теле закоренелого подкаблучника волоском безошибочно почувствовал.

«Н-да... – протянул мой внутренний настороженно. – Без пузыря тут никак! Я метнусь?»

«Куда ты метнёшься, чудо? – укоризненно спросил я, задумчиво хватая лежащую рядом чесалку из можжевельника для того места, где у ангелов крылья растут, и запуская её себе под потасканную футболку с принтом Эйфелевой башни. – Ты же мой внутренний голос, у тебя даже банковской карты нет».

«Так у тебя есть, аж две штуки», – резонно возразил внутренний.

«Но у тебя-то нет!» – не сдаюсь я.

«Так побежали вместе», – предложил он дружелюбно.

«А нечисть куда девать?»

«Ну и нечисть, ну подумаешь. Впервой, что ли...»

«Во-первых, гостей оставлять без внимания не принято. Даже непрошенных. Это – аксиома. А во-вторых, они мне стену продырявили без спросу. Кто проследит, чтобы тут вернули мне всё, как было?»

«С аксиомами – это к Гёделю<sup>28</sup>. А у нас есть Симка, весьма ответственная кошка. И присмотрит, и проследит. Кыс-кыс-кыс», – безапелляционно заявил мой внутренний не терпящим возражений голосом и сделал вид, будто уже обулся и ждёт меня у входной двери.

Я, признаться, даже поколебался немного. Однако, по зрелом размышлении, решил-таки проигнорировать его выпендрёж. В конце концов, это он – мой внутренний, а не я его.

«А ты – мой внешний», – стоял на своём внутренний.

---

<sup>28</sup> Курт Фридрих Гёдель – австрийский математик, логик, философ, автор известных в известных кругах теорем о неполноте, в которых он утверждает, что непровержимость непровержимого недоказуема. Кстати, а что нам с вами мешает применить сие умозаключение и к самим его теоремам?

Черти что-то неслышно для меня обсуждали, то периодически тыча своими чёрными с серебристым отливом пальцами в моём направлении, то чрезвычайно эмоционально хлопая себя мохнатыми ладонями по ещё более мохнатым ляжкам, то вдруг бросаясь к лежащей в тёмном углу книге. Скорее даже не книге, а Книге.

Не вызывающий ни малейших сомнений в своей древности и значимости Фолиант солидно возлежал на подставке, напоминающей пюпитр, искусно вытесанный из багрового, пронизанного огненного цвета прожилками камня, и внушал по меньшей мере почтение одним только своим видом. Не говоря уже о мареве, причудливо искажающем пространство в радиусе нескольких метров от него.

Описанное и ни в малейшей степени не согласованное со мной непотребство происходило на моих глазах, начавших наливать чем-то недобрым при виде подобного пренебрежения плодами моего труда. Присутствует в нашем великом и могучем ставшая уже заезженной аллегория: «недобрый блеск в глазах».

Я искренне сомневаюсь, что автор оной смотрелся в гнев в зеркало. Видимо, некогда было. В те времена, когда в русском языке зарождались подобные сравнения, между сторонами взаимного раздражения было принято скоропалительно в самом тривиальном значении этого слова палить друг в друга на глазах у секундантов. Ну или тыкать холодным оружием с отнюдь не меньшей суетливостью. Да и зеркала тогда дороговаты были, не в каждом кармане водились.

А Вы, мой дорогой читатель, смотрелись в зеркало или хотя бы в экран смартфона, скажем, после звонка на него Вашего непосредственного начальника, с милой непосредственностью потребовавшего прислать их превосходительству фотографию Вашего бюллетеня для тайного голосования?

Мне доводилось лицезреть себя в зеркале в такие моменты. Бездну, что плещется в подобных ситуациях в расширенных праведным гневом зрачках, сравнивать с блеском я оснований не вижу.

А с чем же тогда её сравнивать? Для ответа на этот вопрос мне пришлось бы в те глубины погрузиться, а мне неохота и страшно. И вообще, может быть, всё дело в освещении. Стрелялись ведь Дантесы с Пушкиными и Мартыновы с Лермонтовыми, подозреваю, не под современными светодиодными светильниками.

Левая рука сама собой зачем-то выключила конфорку под кастрюлей. «В клубах пара чертей пара, – услужливо подсуетился внутренний, – в Месопотамии был гроб, а теперь завял укроп...»

«В какой Месопотамии? Какой гроб? Городишь. Я там никогда и не был. Ты что, тяпнул уже без меня? – задумался я было завистливо. – Хотя... как бы ты умудрился?..»

«А, я вспомнил, это было в другой реинкарнации, – сбавил он обороты, – ты же тогда был не ты. То есть не этот ты. То есть этот, но... не совсем. Как бы тебе объяснить, чтобы ты отвязался?.. Да нафиг вообще объяснять? Короче, не грузись...», – развеял все мои сомнения и угомонился наконец-то мой внутренний, после чего энергично ушёл в себя. То есть, в меня, разумеется.

Он там долго не вытерпит, я его знаю. Мой внутренний – экстраверт, в отличие от вашего покорного слуги, как я уже давеча упоминал.

– Мы совсем не пара, – вдруг негодуяше шепнул мне куда-то в междуушие явно женский голос с неприкрыто властными нотками, – а Вы что, нас уже видите? И давно?

«Можно ли считать это голосом?» – вновь вмешался мой внутренний.

Я же говорил: не вытерпит.

– «Даже Симка не слышит, – продолжил он, – а ведь они же духов видят и даже отпугивают».

Кошка породы «Невская маскарадная», по праву своему неотъемлемому на имя собственное именуемая Симкой, действительно никак не реагировала на происходящее вокруг

неё, по обыкновению разборчиво ковыряясь у себя в чашке в каше из добротной разваренной курицы.

У нас только она умеет есть мою стряпню с подобным выражением на покрытом шерстью и вибриссами гласто-зубасто-нахальном хлебальнике, который чем-то так нравится лучшей части моей ячейки общества.

Кушает Симка куриное мясо с видом главной бухгалтерши<sup>29</sup> из уважающей себя организации, с нескрываемой брезгливостью листаящей местами сдобренный машинным маслом отчёт со склада горюче-смазочных материалов.

Рукой, только что заботливо смазанной кремом из последних откровений модного журнала «Интернационалитен», изготовленным по утраченной много веков назад технологии из свеженадоенного молока редчайшей породы горных коз, малочисленно обитающих исключительно в труднодоступных местах на склонах Памира, ну и масла жожоба девственно холодного отжима, конечно же.

Сейчас, о чудо, крем сработает, время обернётся вспять лет на тридцать, а там парней молоденьких на танцплощадке у ДК...

– Факт отпугивания ими... э... вашей наукой достоверно не установлен, – звучит не столь уверенно, как первый, в этот раз уже мужской то ли голос, то ли не голос, но опять где-то в моей голове. Не самое обычное ощущение, скажу я вам.

Кошусь на Симку – она снова ничего не слышит. А ведь она у нас скотина ой какая слышливая.

Случается, позовёт её природа выйти на кухню нашей скромной однушки часам к трём ночи раздражённо поорать оттуда на весь многоквартирный дом из соображений своих покошачьи нимфоманских. Дескать, все коты – козлы и далее по теме. Ну, вы понимаете.

А мои девочки – дочь и жена – сладко так посапывают. Уж и не знаю, чем такой мухомор, как я, это такое счастье заслужил, но факт остаётся фактом: мне есть о ком заботиться. И в этой ситуации папка должен максимально быстро кошке рот заткнуть любым гуманным способом. Иначе мои смыслы жизни угрюмо побредут в школу и на работу невыспавшимися.

В подобной ситуации я использую проверенный временем рецепт – достаточно, даже не вставая с дивана, тихим и вкрадчивым шёпотом начать спряжение глагола «пришибить».

Главное, применить в этом почти неслышимом человеческому уху посыле формулу Эрика Берна «взрослый – взрослый». Помните двухтомник этого некогда ставшего вдруг популярным в кругах доморощенных психологов писателя о людях и их играх?

Типа, папа не шутит. Может и встать...

У кошки как рукой снимает. Видимо, она тоже читала Бернштайна. В одной из прошлых реинкарнаций. Следующие час-полтора папка может снова поспать. До очередного упражнения в спряжении.

Тут я вам один секрет открою, мои компаньерос<sup>30</sup> – любители и любительницы кошек, а также члены их семей. Мной достоверно установлено эмпирически, что бесполезно использовать глаголы любой степени грозности без обязательного упоминания в начале командной строки имени адресата. Ни кошка, ни Алиса из Яндексса, ни даже робот в курсе программирования для учениц третьего класса на безадресную команду, увы, не реагируют.

Так что, если вашу кошку хоть как-то зовут, то сначала надо внятно прошипеть её имя. После чего эта бестия умудрится услышать ваш дальнейший посыл, даже если он будет вообще мысленным. Проверено. Не зря их древние египтяне обожествляли.

---

<sup>29</sup> Да, феминатив, а что вы хотели? Главный бухгалтер моего пола листает помятые и сдобренные жирными отпечатками пальцев водителей, техников, механиков и прочих далеко не кабинетных тружеников документы куда с более уважительным выражением на лице. Он ещё и пальцы о язык смочит, внимательно перелистывая страницы. Ей-богу, сам видел.

<sup>30</sup> Companeros (исп.) – коллеги, товарищи

– В первую очередь они обожествляли котов, а не кошек, – оживился интеллигентным баритоном голос номер два. Стоит вспомнить огненно-рыжего кота – Ра, с завидным постоянством побеждающего змея Апопа.

– Но и богине – кошке Бастет – поклонялись, – возразил я, – и да, мы вас видим. С того самого момента, как вы мне стену в мой рабочий кабинет продырявили.

– Ну да, и ей тоже. Они вообще много кого обожествляли – крокодилов, быков и даже жуков-скарабеев... – уклонился мой собеседник от обсуждения вопроса о целостности строительных конструкций.

Я решил их пронумеровать по порядку выхода на контакт: первая – напористый женский голос, второй – более покладистый мужской.

«Кошек ласково пригрели, а они на шею сели», – снова блеснул претензией на стихотворчество мой внутренний голос, не спросив моего разрешения на подобную бестактность. Пришлось его мысленно одёрнуть.

Внутренний явно обиделся и снова ушёл в себя. И опять он там долго не вытерпит. Как и всегда.

Я было думал подтрунить над его обидчивостью, но тут от двери сыграл знакомую мелодию сигнал домофона. Того самого, который вчера был мной собственноручно отключен и снят для ремонта по причине поломки. Вследствие этого упомянутый плод китайской электронной промышленности отдыхал сейчас в разобранном виде в коробке под диваном и ждал замены вздувшегося электролита. Следовательно, в данный момент домофону полагалось помалкивать.

Симка неожиданно прервала свои вдумчивые изыскания в чашке с варёной курицей, ловко материализовалась у меня на коленях и обвела укоризненным взглядом своих больших выразительных глаз всех собравшихся.

Первым делом она посмотрела на ранее не замечаемого ею словоохотливого чёрта, мгновенно осёкшегося под её взглядом.

Потом на начальственного вида чертовку, начавшую тут же зачем-то нарочито сосредоточенно рыться у себя в невидимой сумочке.

Под конец кошка устремила немигающий взгляд в коридор на незамеченную до того никем голову, выросшую посреди входной двери.

Упомянутая Голова – вдруг почему-то неосознанно захотелось даже думать о ней с большой буквы – только начала с умело скрываемой натужностью высовываться из висящего на внутренней стороне двери зеркала.

Помнится, я когда-то, будучи моложе, с серьёзным выражением лица завесил вход парой защитных заклинаний. Из тех, что вычитал в ветхой книжке, много лет назад купленной по случаю на ташкентском развале и утерянной позднее, в девяностые, во время эвакуации из тех краёв трёх поколений моей семьи с оголившимися в одночасье задами и опустевшими не по нашей вине карманами.

Голова обменялась взглядами со всеми присутствующими, кроме Симки.

Чёрту она, прекратив свои трели, игриво подмигнула.

По чертовке внимательно скользнула будто бы равнодушным взглядом.

Затем она явно захотела поиграть со мной в «кто кого переглядит».

Я напрягся. Не люблю я этого.

– Хочешь заработать? – вдруг томно промурлыкала Голова, лукаво прищурившись.

У меня появилось ощущение, что где-то я этот голос уже слышал.

«Мы это где-то уже слышали», – задумчиво заворочался внутри меня мой внутренний.

– На «ты» я только с узким кругом, – парировал я неожиданно быстро, чем огорошил даже самого себя.

– Например, за границей? – продолжила Голова, будто не услышала.

– Кому и Ташкент – заграница, – ответил я осторожно и покосился на чертей. Те озабоченно молчали и неискренне делали незаинтересованный вид.

– Окунуться с головой в мир ольмеков и сапотеков... тольтеков и миштеков... майя и ацтеков? – вкрадчиво осведомилась опять Голова, явно любуясь собой, – Пернатого Змея Кецалькоатля проведать... Уицилопочтли выразить почтение... К Тлалоку Творцу Сотворённому наведаться...

– К Тлалоку Сотворённому Творцу? – автоматически повторил я слегка ошалело. А может, и не слегка. Такое предложение! Для меня это был удар ниже пояса...

– Хочешь почувствовать себя на мгновение одним из Полузабытых Богов? – проворковала Голова.

А вот это меня сразу привело в чувство. Будто ледяной водой обдало. А не пошли бы вы... куда Макар телят не гонял?..

– Хочу – вырвалось вдруг предательски против моей воли само собой откуда-то изнутри меня, – а что, можно?

В этот самый момент Симка едва заметно выразила своё неудовольствие происходящим, дёрнув пушистым кончиком выразительно гибкого хвоста.

Голова задумчиво насупилась и неожиданно быстро ретировалась обратно в зеркало. Исказившая затем его поверхность рябь спустя мгновение издала вызвавший у меня мурашки на коже стон и улеглась, как не было. В воздухе таинственно повисла тишина.

## Глава 6. Тайны наполняют смыслом тишину

Напряжённая тишина, мгновенно окутавшая присутствующих, была настолько плотной, что, казалось, любой, даже самый тихий звук бессмысленно растворится в ней подобно крупинке сахара в горячем супе.

Локальная инквизиция была тут же приостановлена, а её действующие лица дружно повернули головы в сторону источника звука. Им оказалась стоящая буквально в нескольких метрах от остальных участников действия девочка лет десяти с по-взрослому большим чёрным зонтом-тростью, крепко сжимаемым маленькой ладошкой её правой руки.

– Не для того вы спасены от её чар, господа, чтобы вы сами уподобились ей же самым низменным образом, – не по-детски рассудительно продолжила девочка.

– У... уходи! Ч... что тг... тебе нн... надо? – взволнованно спросил Хуан.

– Артикуляционный аппарат мы Вам сейчас поправим, не волнуйтесь, юноша. И на работе восстановим... Ага!.. мне понадобится буквально пару минут вашего терпения, молодые люди.

– А...

– Пару минут тишины, молодые люди!

Где-то в нескольких кварталах от происходящего раздался режущий слух звук автомобильных тормозов, послышался скрежет сминаемого металла, и спустя буквально несколько секунд откуда-то издалека зазвучала тревожно полицейская сирена.

– Ну вот, уже восстановили. Выньте-ка, пожалуйста, сюда нашу ворожею из лужи быстренько! – распорядился ребёнок безапелляционно.

– Да кто ты такая! – гневно и без единой запинки воскликнул Хуан и осёкся вдруг.

– Я тот, кто слово держит. И на «ты» я только с узким кругом, – ответила ребёнок, почему-то используя в своей речи мужской род.

Ведьма была тут же благополучно эвакуирована мужчинами из сточных вод канавы и относительно аккуратно уложена на газонную травку под ближайшим деревом.

– Всё, молодые люди! Хуан, Хорхе, ступайте, пожалуйста, сейчас оба по домам и хорошенько помойтесь! Ни с кем сегодня старайтесь не разговаривать без крайней тому необходимости. Полностью способность делать это привычным для окружающих образом вернётся к вам только завтра. Да, и ешьте-пейте сегодня побольше всего томатного. А я пока тут с нашей чародейкой потолкую тет-а-тет.

С этими словами девочка присела рядом с ведьмой и взяла левой рукой её левое запястье. Правая рука ребёнка продолжала крепко сжимать чёрный зонт-трость.

– Она опасна! Она же... она может... она очень опасна! – дружно переполошились почему-то не спешащие уходить мужчины.

– Безмерно тронут вашей заботой, господа! – чуть удивлённо приподняв свою по-детски выразительную, нетронутую до сей поры ни краской, ни пинцетом, ни тем более рейсфедером бровь, едва заметно дрогнувшим голосом ответила девочка.

– Ну что-же... держите от нас ответный подарок, джентльмены – после недолгого размышления продолжила она. – Хуан, Вас ждёт повышение в библиотеке, – тут девочка улыбнулась, – Хорхе, Вам мама разрешит теперь встречаться с Ракель. Очень хорошая девушка. Не обижайте её. Узнаю, что обидели намеренно – спрошу по полной. А сейчас вы оба быстро пойдёте на тот тротуар, – она указала рукой на пешеходную дорожку метрах в трёхстах, – видите вон там даму с серо-зелёной коляской?

Мужчины посмотрели в указанном направлении.

– Примерно через четыре минуты она, заболтавшись с другими дамами, забудет поставить коляску на стопор, и та покатится к пешеходному переходу.

Парни заметно напряглись и уже намерились было бежать в указанном направлении.

– Там и будете ждать, – продолжила их собеседница, – вы очень бережно остановите коляску и аккуратно вернёте её взволнованной женщине. И тут же тихо испаритесь. Повторяю, никакого общения сегодня. Все интервью в свете софитов только завтра, когда вас обоих найдут журналисты. Я внятно изложил задачу?

Оба парня непроизвольно вытянулись по стойке смирно перед девочкой едва ли в половину их роста и быстро зашагали в сторону указанного тротуара.

– Ты видел это, Педро? – спросила Родригес у своего напарника.

– Что, Моника?

– Те два рослых мужика вон там салютуют какой-то пигалице с большим чёрным зонтом, как рядовые солдаты полковнику.

– Как генералу, Моника! – раздалось тут же из патрульной радиостанции. – Прекратить наблюдение. Срочно выдвигайтесь к южному выходу из станции Копилко<sup>31</sup>. Как поняли?

– Принято! Какой код?

– Вот вы там с Педро и разберётесь, какой код.

– Ясно, выезжаем.

«Чёрт возьми, какое такое наблюдение мы должны прекратить? И с каких пор центральный диспетчер обращается к патрульным по имени?» – пожалала недоумённо плечами сержант полиции Моника Родригес, ловко лавируя патрульным автомобилем с включенной мигалкой в плотном дорожном потоке.

Её напарник, Педро Сапатеро, вопроса будто даже не услышал, сосредоточенно копаясь в своём недавно приобретённом по акции смартфоне. Лишь на секунду Монике показалось, что он едва заметно напрягся при слове «чёрт».

– Видимо, от всей души они её приложили, – пробормотала девочка, – что-ж, имели на то основания. Несмотря на крепко зажатое в маленькой девичьей ладошке запястье Вероники и требовательный Зов, она никак не хотела возвращаться.

Девочка приблизила было блестящий металлический кончик своего зонта к виску лежащей ведьмы и замерла, будто прислушиваясь к чему-то, слышимому лишь ей одной, но была прервана звуком быстро приближающихся шагов.

Стройная девушка в продуманно облегających в нужных местах потёртых джинсах и серо-зелёной футболке, внезапно поскользнувшись на мокрой глине, звонко шлёпнулась и, чертыхнувшись, проехала пару метров, остановившись аккуратно рядом с не подающей признаков жизни ведьмой.

– Что случилось, Вероника?! Что с тобой, подруга?! – раздался её взволнованный голос. – Это я, Марисоль! Ответь мне, пожалуйста, Веро! Это же я! Я здесь, с тобой! Зову тебя! Ответь на мой Зов! – продолжила она свой эмоциональный выплеск, поднявшись и бесцеремонно, если не сказать грубо, оттолкнув присевшую у лежащей ворожеи девочку.

Ребёнок, ничего не говоря, отошла на пару метров от грубиянки и около минуты молча наблюдала за происходящим.

Веро наконец пошевелилась и открыла глаза. Марисоль тут же заботливо помогла ей подняться.

– Ты сумела к нему подобраться?

– Там всё не так просто! Он снова умудрился избежать...

– Ты хотя бы его видела?! Смогла узнать?!

– Нет, его неожиданно хорошо охраняют... но есть одна зацепка...

– Понятно... помоги мне встать.

---

<sup>31</sup> Copilco – станция метрополитена в Мехико, линия номер 3

В этот момент наблюдавшая за происходящим со стороны девочка с большим чёрным зонтом вдруг развернулась и стала решительно удаляться в сторону ближайшей пешеходной дорожки.

– А ну, стоять, ты! – раздался ей вдогонку повелительный голос Марисоль, – вернулась сюда быстро, малявка!

– Почему Вы так со мной говорите? – остановившись, с искренним любопытством поинтересовалась девочка. – Разве я причинил зло кому-либо из вас? По-моему, я, напротив, одну из вас только что спас от вполне заслуженной экзекуции.

– Кто это? – спросила властно Веро, ещё покачиваясь на неуверенно стоящих ногах, но уже пытаясь вернуть себе контроль над происходящим и находящимися вокруг.

– Не знаю! Она держала тебя за левую руку, когда я пришла сюда, – ответила Марисоль.

– Надо её выпотрошить... вывернуть наизнанку... всё, что знает... любой ценой... не дай ей уйти, – пробормотала девушка, начав странный для непосвящённого взора ритуал: она стала поочередно прикладывать разные пальцы то левой, то правой руки к одной ей известным точкам на поверхности своей головы, каждый раз будто прислушиваясь к внутренним ощущениям.

– Сейчас я всё сделаю, Веро! Эй ты, подошла ко мне! – властным голосом произнесла обладательница необычайно красивого имени<sup>32</sup> в адрес невозмутимо и даже, похоже, с некоторой долей сарказма ожидающей дальнейшего развития ситуации девочки, стоящей, опершись на зонт, как на трость.

– Я вынужден повторить свой вопрос: почему Вы, Марисоль, позволяете себе говорить со мной подобным образом? – прозвучало всё ещё ровным детским голосом, но в воздухе уже повеяло привкусом озона, предвещающего приближение весенней грозы.

Помните этот почти неслышимый человеческому уху, но оглушительный в кармическом поле судьбоносности звук приводимого в готовность свершить нечто необратимое ударного механизма в кремнёвом дуэльном пистолете? «В гранёный ствол уходят пули и щёлкнул в первый раз курок» (А. С. Пушкин).

– Ах, ты... на тебя что, ещё не действует?!

– Вы правы, юная леди. – укоризненно вздохнув, произнёс ребёнок тоном умудрённого опытом немолодого человека, только что принявшего пусть неприятное, но необходимое решение, – на меня, увы, не действует...

– А ну, подчинись моей воле! – заметно напрягшись, произнесла Марисоль. При этом её лицо стало красным и от неё ощутимо полыхнуло невидимым жаром, будто она только что вышла из Дома горячих камней – древней ацтекской бани Темескаль.

Видеть то, что последовало за этим, умеют очень немногие. Не вооружённому должным образом изготовленным и иницированным хрустальным шаром или хотя бы призмой Малафеева – Порро взгляду большинства из нас с вами, мои терпеливые читатели, подобное обычно остаётся недоступным.

Из головы Марисоль проклюнулись бледные извивающиеся ростки. Они чем-то напоминали те, что появляются из зёрен пшеницы, заботливо помещённых в блюдо с тёплой водой любительницей находить в женских журналах рецепты помолодеть чудесным образом.

Затем эти ростки превратились в начавшие розоветь нити неведомой непосвящённому энергии. Из последних стал ткаться, подчиняясь монотонному тихому речитативу прикрывшей веки и раскачивающейся в тон своему пению девушки, полупрозрачно-розовый мерцающий шар.

---

<sup>32</sup> Marisol (Марисоль) – Море и солнце, необычайно красивое испанское имя, состоящее из двух производных: Mar – море, Sol – солнце

– Зря вы так... эмм... поспешно... – со слышимой в голосе укоризной попыталась остановить это действие девочка.

Буквально полминуты спустя из сотканного только что шара начали расти ломко извивающиеся подобно грозовым электрическим разрядам щупальца. Ещё через десяток секунд налившееся разноцветными сполохами новообразование, невидимо внушающее неосознанную тревогу даже находящимся в паре сотен метров проходим, поднялось над головой девушки и полетело в сторону всё ещё стоящего на прежнем месте ребёнка.

Неподалёку взволнованно взвыли два собачьих голоса. Негодование происходящим одновременно выразили рассудительного вида спаниель в почтенном по собачьим меркам возрасте, степенно выгуливаемый увлекшейся разговором по телефону женщиной, и ухоженная, тщательно расчёсанная девочка шотландской овчарки, до этого момента с явным удовольствием старательно и гордо вышагивавшая нога в ногу с модно одетой хозяйкой.

– Мы с вами могли бы пригодиться друг другу, – сделала последнюю попытку миротворца девочка, – я был бы этому рад... а вы заклятьями швыряетесь.

– Ты что, видишь энергетический шар?! – ошеломлённо возопила молодая женщина.

– Почему Вы так называете это отвергнутое цивилизованным обществом ещё в прошлом веке заклятие, Марисоль? Вы же прекрасно знаете, что это совсем не «энергетический шар». Это – Ваша попытка превратить меня в бессловесное, безропотное, бесправное, произвольно испражняющееся под себя, лишённое воли и интеллекта существо – Вашего раба.

– Кстати, – тут обратилась девочка с зонтом уже ко второй девушке, – как Вы решили проблему естественных потребностей с теми двумя мужчинами, Вероника?

– Даже и не думала решать... они ходили и воняли в примотанных пластырем памперсах, – автоматически ответила Веро, продолжая исследовать пальцами свою голову, и вдруг спохватилась, – что ты сказала, мелочь?! Почему она ещё не под твоим контролем, Марисоль?!

– В примотанных пластырем памперсах?! Целый день?! Ну, это уже ни в какие ворота! Кстати, на «ты» я с узким кругом, – улыбнулась «мелочь» теперь уже несколько хищно.

– Что за мальдита сеа?! – удивилась Веро, – Марисоль, ты что, не можешь до сих пор сломать эту зелёную соплю?!

– Вот именно, не может. Ломалка не выросла. А теперь око за око, уж не обессудьте, сударыни! – сказала девочка.

С этими словами юная особа решительно начертила некий символ острием своего совсем не детского чёрного зонта-трости в воздухе перед опасно извивающимся щупальцем практически приблизившегося к ней розового шара.

И снова улыбнулась. Ещё более хищно.

Новообразование внезапно замерло, его щупальца обвисли, сполохи прекратились, а розовый цвет медленно сменился на голубовато-серый со стальным отливом. Спустя ещё несколько мгновений шар разделился на три части, будто рассечённый острым невидимым лезвием.

Одна часть шара, медленно окрасившись в мутно-коричневый цвет, неторопливо вернулась к оцепенело наблюдающей за всем происходящим Марисоль, повисла над её головой и замерла, мерцая.

Вторая часть, также став мутно-коричневой, зависла над оторопело обвисшей всеми частями тела Веро.

Третья часть шара, не меняя цвета, неторопливо поплыла, искрясь, к ближайшей пешеходной дорожке.

– Кошка драная! Ненавижу! Тварь неблагоприятная! Все они такие... – громко бурчал, брызжа слюной из давно забывшего вкус зубной пасты наполовину беззубого рта, мужчина неухоженного вида с расцарапанным лицом в стоптанных башмаках и старой куртке явно с чужого плеча.

Ворча себе под нос, он неторопливо вёз перед собой серыми от небрежно сведённых некогда татуировок и набухших вен руками тележку, какие обычно используются в супермаркетах. Тележка была набита разнокалиберными, источающими неопишемую палитру запахов, многочисленными пакетами.

– Боже, зачем ты придумал эту лживую породу? – продолжал шепеляво брюзжать мужчина. – Недаром раньше в каждом доме всегда был кнут. Вот чем их учили наши предки! Это что за хрень?! Уйди! – замахал он вдруг руками, пытаясь отпугнуть появившуюся над его головой мерцающую треть шара. – Помогите же мне отогнать эту дрянь! – обратился он к идущим мимо него людям.

Однако, оказавшиеся рядом с ним прохожие явно не видели причины его беспокойства и просто брезгливо обходили машущего у себя над головой руками давно не мывшегося мужчину с начинающей ржаветь тележкой.

– Почему сразу дрянь и уйди? – невинным детским голоском спросило нависшее над ним облачко, став из серо-голубого серебристым, – я хочу попросить у Вас помощи!

– Э... чего?!

– Помощи.

– К...какой помощи? – ошалело заморгал мужчина.

– Помощи в исправлении морального облика и коррекции системы ценностей двух представительниц... эмм... лживой породы, как Вы их называете. И я доверяю Вам почти безразмерную власть над ними. Займитесь, пожалуйста, их перевоспитанием, я Вас очень прошу.

– Чьим перевоспитанием? – оторопело спросил обладатель тележки из супермаркета.

– Если Вы повернёте голову вправо, Вы увидите у деревца в паре сотен метров отсюда двух привлекательных молодых грешниц в одинаковых серо-зелёных футболках. Они жаждут возможности искупить все свои многочисленные грехи и быть исправленными сильной мужественной рукой. У Вас ведь сильная рука? – осведомилось доброжелательно серебристое облачко, зависшее над обильно усыпанной перхотью головой. – А то мне придётся поискать кого-то другого...

– Ещё какая сильная! – непроизвольно начиная нервно пританцовывать от возбуждения, энергично заверил своего невидимого собеседника мужчина.

– Тогда смело вперёд! Они так долго Вас ждут! Им очень нужен суровый наставник!

Все три части невидимого постороннему взгляду мерцающего шара тут же упали дождём быстро гаснущих искр на свои мишени.

Менее чем через секунду магазинная тележка с немыслимой решительностью загромычала по газонным неровностям всеми своими неприспособленными к таким потрясениям маленькими колёсиками в сторону пары комплектов футболок и джинсов. Тех, что соблазнительно обтягивали две молодые женские фигуры, с рабской покорностью в безжизненных глазах ожидающие возможности быть подвергнутыми строгому перевоспитанию.

– Я оправдаю доверие! Я справлюсь! – повторял, непроизвольно пуская жёлтые тягучие капли сразу из обеих ноздрей, мужчина с лицом, ставшим вдруг искренне озабоченным, представляя стоптанные ботинки с непривычной для них скоростью.

## Глава 7. Без спешки не выловишь и одышки

Снизивший скорость у остановки автобус не успел ещё остановиться полностью, как мужчины спешно оказались внутри него. На протянутую двадцатку с изображением седьмого президента северного соседа водитель, не моргнув глазом, сунул им сдачу в виде нескольких напоминающих пластиковые местные купюры и горсти металлических песо.

– Неплохо бы языка из тех шестерых, – пробормотал коренастый, засовывая сдачу в карман широких и слегка уже мятых штанов белого цвета, – лучше пончика.

– Он у них типа босс, – рассудительно ответил сухощавый, – значит, они его и берегут лучше, и умнее он всех их может оказаться. Вот того бы с серьгой поспрашивать... Тот попроще, но тоже может знать кое-что. Они же с их боссом типа... как муж и жена... по-своему...

Тут автобус резанул слух скрипом изношенных тормозов, останавливаясь на перекрёстке перед светофором, дверь открылась, и в него буквально впрыгнул как раз обсуждаемый сейчас смуглый с той самой серьгой. Цепко оглядевшись и даже не подумав расплачиваться за проезд, он пружинистой, по-кошачьи мягкой походкой двинулся к двум мужчинам.

– Привет! – сказал он, приблизившись, – как дэля?

– Вацап?<sup>33</sup> – дружелюбно-удивлённо поинтересовался коренастый.

– Ай, зачём? Я училь ваш на Куба. Пайдьом таварыщ! – тут смуглый ткнул пальцем в образовавшийся невесть откуда позади автобуса давно и явно намеренно немый большой внедорожник с изображением двурогого барана на решётке радиатора.

– What are you talking about with this gorilla?!<sup>34</sup> – ревниво спросил сухощавый у своего товарища, по мере сил изображая в голосе сплав нежности с негодованием.

– I don't know, what is he talking about, my love!<sup>35</sup> – томно проворкотал в ответ коренастый, приближая губы к уху компаньона. – Рубану? – шепнул он едва слышно.

– Позже, – одними глазами ответил сухощавый. – What are you looking for, puppy?<sup>36</sup> – громко обратился он к смуглому с истеричной ноткой в голосе. Все присутствующие в автобусе уставились на них, наслаждаясь возможностью бесплатно развлечься.

– Follow me, please!<sup>37</sup>, – разродился наконец после довольно длительной паузы смуглый уже не столь уверенным голосом, вынимая из кармана удостоверение с изображением орла со змеей в когтях.

– What's your problem? We are the United States citizens! We demand to see the Consul!<sup>38</sup> – только глухой в радиусе квартала от притормозившего автобуса с опущенными стёклами не услышал этот дружный негодующий вопль.

– Follow me, please, – уже совсем неуверенным голосом пробормотал опять смуглый властелин своего вставленного в ухо кольца и направился к находящемуся в начале автобуса выходу. – Vamos a salir!<sup>39</sup>, – произнёс он себе в область воротника.

– Время! – показал глазами сухощавый, – окольцованный – твой! Я – к водителю!

---

<sup>33</sup> What's up? (анг.) – что происходит?

<sup>34</sup> О чём это ты говоришь с этой гориллой?! (анг.)

<sup>35</sup> Я не знаю, о чём это он, моя любовь! (анг.)

<sup>36</sup> На что ты нарываешься, щеночек? (анг.)

<sup>37</sup> Следуйте за мной, пожалуйста (анг.)

<sup>38</sup> В чём твоя проблема? Мы – граждане Соединённых Штатов! Мы требуем встречи с Консулом! (анг.)

<sup>39</sup> Мы выходим (исп.)

В течение пяти последующих секунд оцепеневшие пассажиры автобуса имели неповторимую и совершенно бесплатную возможность увидеть сцену из голливудского боевика в режиме онлайн.

Смуглый с кольцом в ухе, подойдя упруго к водителю и начав было формулировать тому свысока не терпящим возражения голосом какую-то команду, вдруг превратился в смуглого без кольца. Недоумённо хрюкнув, он начал судорожно шупать свой слегка надорванный причиндал. И это вместо того, чтобы быстро достать один из имевшихся у него двух стволов: Smith&Wesson SD9 в наплечной кобуре и компактный Ruger LCP2, уютно пристроившийся над правой лодыжкой.

Менее чем через секунду шанса это сделать у него уже не было – оба ствола были ловко позаимствованы. Первый он ощутил невинно прикасающимся срезом дула к своему собственному позвоночнику в районе поясницы, второй прыгнул в ладонь сухощавого.

Затем им была не менее быстро утрачена гарнитура от находящейся во внутреннем кармане портативной радиостанции с прицепленной к воротнику пуговкой микрофона.

Одновременно с этим водителю автобуса метко упала на колени стодолларовая купюра. «Не пора ли нам ехать уже по маршруту, сеньор? Вы разве не видите, зелёный давно горит?» – вкрадчиво произнёс по-испански сухощавый, невозмутимо засовывая компактный Ругер в карман своих брюк на глазах не привыкшего к обращению на «Вы» и именованию сеньором водителя с застарелым шрамом на правой щеке.

Тот в ответ продемонстрировал удивительную способность сохранять довольно-таки спартанское спокойствие.

Автобус тут же довольно ретиво тронулся с места и, кашлянув пепельным облаком дыма, стал бодро удаляться от стоявшего позади давно не мытого Доджа. Что интересно, ни один из пары дюжин набившихся в общественный транспорт пассажиров не предпринял ни малейшей попытки покинуть его – все дружно получали удовольствие от наблюдения за происходящим.

«Сразу за поворотом притормозите, пожалуйста, мы выйдем!» – на колени водителя снова метко упала стодолларовая купюра.

Автобус притормозил, как было заказано, а вот догоняющий впопыхах Додж манёвра автобуса не угадал и ткнулся тому в задний бампер. А эта часть шасси у автобусов, в прошлой жизни служивших северным соседям скулбасами<sup>40</sup> и развозивших техасских детишек по школам, обыкновенно бывает необыкновенно жёсткой. От неё, бывало, крышу сносило хвалёным Хаммерам, не то что каким-то Доджам.

Следует отметить, что пассажиров видавшего виды автобуса лишь немного трянуло, чего нельзя сказать о находившихся в нерасторопно управляемом внедорожнике.

Из-под скулбаса торчала задняя половина Доджа, недовольно испускавшего откуда-то скорее снизу, чем сзади, громкое шипение, скрежет, клубы пара и нечётко слышимую ненормативную лексику на умеющем быть сочным в подобных ситуациях кастильском наречии испанского языка. Особую выразительность ей придавала приправленность местным, довольно пикантным мексиканским лингвистическим колоритом.

– Теперь рубану? – прозвучал снова негромкий, почти на уровне мысленного посыла вопрос, на который был немедленно дан практически неслышимый положительный ответ. Смуглый без кольца, до того ошеломлённо наблюдавший за происходящим, внезапно обмяк и сполз на руки двум его новообретённым спутникам.

– Camino! Tenemos un herido!<sup>41</sup> – взревели оба хором и энергично поволокли свою бесчувственную ношу вон из транспортного средства. Благо не далее, чем в паре сотен метров

---

<sup>40</sup> Schoolbus (анг.) – школьный автобус

<sup>41</sup> Дорогу, у нас раненый! (исп.)

ими была замечена вывеска с красным крестом над входом в здание очевидно медицинского назначения.

Спустя шесть минут из двора того же здания неторопливо выехала далеко не новая машина местной скорой помощи с красными крестами на облупившемся борту и выключенными сигнальными атрибутами.

Рулём автомобиля лихо правил сухощавый мужчина чуть более, чем среднего возраста, бодро напевавший себе под нос что-то про старую джинсу и изменчивый мир, под который не стоит прогибаться. В кузове уютно поскрипывающей развалюхи коренастый заботливо пеленал по рукам и ногам языка, недовольно ворча себе под нос что-то вроде: «Столько баксов разбросали! Я такого бабла и за месяц не поднимаю!».

– Вы даже вообразить не можете, как вы накосячили и кому дорогу перешли, парни! – на безукоризненно чистом русском языке прорезался вдруг очухавшийся смуглый обладатель начавшего распухать уха уже без серьги, до этого момента представлявший бесчувственное тело, то и дело безропотно переворачиваемое в процессе пеленания конечностей найденными в машине сначала жгутами, а затем и пластырем.

– Так дорогу перешли или накосячили, малыш? Это очень разные вещи, дитяtko. Ты бы сначала у мамки поспрашивал о подобных тонкостях, а уж потом лез к старшим со своими непрошеными оценками, – спокойно бормотнул коренастый, продолжая своё дело.

– Вам обоим теперь настоящий... – брызнуло из пеленаемого нервной слюной.

Спустя менее четверти часа немолодая уже машина неотложной помощи остановилась на неприметной боковой улочке в паре сотен метров от пункта проката автомобилей.

Там, после оплаты нескромного депозита в четыреста баксов и пары минут отборной нецензурной брани в ответ на предложение невозмутимого менеджера оплатить страховку и франшизу, из давно не крашенных решётчатых ворот выехал мягко говоря немолодой Форд Топаз всё с тем же сухощавого телосложения мужчиной в капитанском кресле.

Ещё через три с половиной минуты автомобиль неотложки был тихо припаркован на заранее оговорённом с её водителем месте, а пара её пассажиров молча переключалась в новообретённый неприметный транспорт.

Несколько позднее тем же вечером в полупустом придорожном мотеле их встретил не отличающийся многочисленностью персонал.

Состоял он из одного сонно-длинноволосого менеджера, его юной очаровательной племянницы, сосредоточенно что-то рисующей, слегка высунув кончик языка, в своём розово-жемчужной окраски блокнотике, и собаки – излучающей искреннюю слюнявую любовь и готовность облизать всех появляющихся в поле её зрения ещё совсем юной девочки от папы почти овчарки и мамы неизвестных кровей.

Ни пошарпанное авто, ни его пассажиры, ни их объёмный багаж не вызвали у встречающей стороны ни малейшей озабоченности.

– Давай, я поработаю сначала по костно-мышечному для начала, раз он такой типа профи! – не мудрствуя лукаво, вкратце изложил по существу свой алгоритм пристрастного допроса коренастый, автоматически начав разминать суставы рук по привычной схеме «пальцы – лучезапястный – локтевой – плечевой».

– Значит, подозрение о наличии некоторого налёта профессионализма у захваченного в плен Вас всё же гложет, коллега?

– Пока не выпотрошим, не узнаем. – не сдавался коренастый.

– Есть вероятность, что, когда узнаем, может быть поздно.

– Поздно для кого? Для нас или для него?

– Иногда бывает поздно для всех.

– На нём упущенный нами маяк и мы сейчас подвергнемся атаке беспилотника? – удивился коренастый.

– Такое развитие событий не исключено, но не это сейчас важно.

– А что важно?

– Важно в первую очередь добыть нужную нам информацию.

– Так давай я его помассирую маненько...

– Это никуда не убежит, – ответил сухощавый, – а вот контроль прилегающей территории неплохо бы наладить хотя бы на ближних подступах, да и разведка путей эвакуации в случае чего не помешает.

– Понял, выдвигаюсь на разведку, – вздохнул коренастый, – шпингалет на фанерке за мной задвинь. Возвращаюсь по условному сигналу.

Помогающая сохранять природу на нашей планете безмерно экологичная дверь, изготовленная из пропитанных ядовитым эпоксидным компаундом отходов мебельной промышленности, сначала негодуяще скрипнула заржавленным шпингалетом, а затем проскрежетала ворчливо давно не смазываемыми петлями.

Спустя мгновение широкая тень неслышно скользнула во двор мотеля и тут же исчезла из видимости где-то на фоне ближайших туй.

– Так кому мы что перешли? – спросил деловито сухощавый, задвинув на хлипкой двери шпингалет и резким движением отлепляя пластырь от ротового отверстия смуглого.

– Гррр... – прорычал пленный, – вам всем...

– Тсс! Здесь шуметь не надо. Здесь надо торговать.

– Чем торговать?! Да вас на... – на этом слогe смуглый вдруг захлебнулся от короткого тычка в солнечное сплетение.

– Терпеть не могу бить людей... особенно связанных... информацией Вам, молодой человек, надо бы сейчас начинать торговать... от этого зависит Ваше весьма туманное пока будущее... как и Вашей несостоявшейся ещё семьи... в которой Вы сможете стать заботливым мужем и любящим отцом... если поведёте себя сейчас правильно... – мягко увещевал пленного сухощавый, внимательно отмеряя длительность совсем не случайно появляющихся в его речи пауз.

– Итак, вас было шестеро до зубов вооружённых бойцов против нас двоих, безоружных, и вы проявили ничем не спровоцированную агрессию. И теперь все вы – наша добыча по праву ветхозаветному. Кстати, откуда так хорошо знаете русский?

Последовали ровно шестьдесят секунд обоюдной тишины.

– Ладно, сейчас мы поиграем в хорошего и плохого, раз Вы так настаиваете – тяжело вздохнул сухощавый, так и не дождавшись ответа на заданный им вопрос.

– Сначала – десять минут общения со мной – хорошим. Затем – с плохим, он уже возвращается. Потом снова десять минут со мной... и каждый раз со всё меньшими шансами для Вас доковылять отсюда до местной больницы. Итак, я Вас внимательно слушаю: изложите мне, пожалуйста, максимально подробно всё, что Вам известно о нас и Вашем нынешнем задании.

– Каких безоружных?! Кому вы заливаете?! Думаете, мы не нашли ваши револьверы в корзине той многолетней мамыши и триста баксов, что вы ей дали?! И нас было не шестеро! – брызнул вдруг слюной смуглый.

– Так вы ещё и женщин грабите, позорники... И сколько вас было, таких?

– Шестой – не наш. Он...

– Ну?

– Он... от заказчика, в общем, – неохотно пробурчал допрашиваемый.

– Хорошее начало, тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить! – одобрительно хмыкнул сухощавый. – Теперь я хочу знать всё, что Вам известно о заказчике. До мельчайшей детали.

– Я ничего не знаю.

– Сглазил... – сухощавый на долю секунды прислушался, затем стремительно подошёл к двери и открыл её за несколько секунд до условного сигнала.

– Чёрт, как ты узнал, что я уже здесь? – просигналил одними губами коренастый, быстро проскальзывая внутрь помещения.

– Почувствовал.

– Как ты почувствовал то, что другие не чувствуют?!

– Я в этом не уверен.

– В чём ты не уверен? Что ты меня почувствовал на подходе к двери?

– Нет...

– А в чём же?!

– В том, что другие не чувствуют.

– Ну ты инопланетянин какой-то! – со сдержанным восхищением в голосе пробурчал коренастый. Докладываю: снаружи всё вроде чисто, новых машин на стоянке мотеля и в окрестностях не обнаружено, через три двери справа – пьянка, громкая, с петардами, но довольно безобидная на вид... продавцы из местной сети супермаркетов барагозят...

Тут он ненадолго задумался...

– В дальнем конце правее секвойи – торчки, трое. Нервные. Сейчас вроде спать начинают укладываться. Вот у них есть железо... солидный калибр. Неясно его назначение. Да, я поменялся с дальней халупой номерами на дверях. Теперь у нас фазенда номер 9.

– Принял. Тебя ждёт работа. Твоя очередь, плохой. Десять минут. Пойду огляжусь, заодно поищу чай приемлемого качества. Запри за мной и сразу начинай. Потиху постарайся. Вернись по условному сигналу.

– Ну что-ж, начнём, – согласно вздохнув, сказал коренастый, быстро запер вслед вышедшему хлипкую дверь на шпингалет и начал энергично залеплять рот допрашиваемому остатками пластыря. – Не бойсь, пластырь стерильный, яйца глистов тебе не грозят.

– Мм... ммм...

– Так надо. А то ты разорёшься тут громко... а сейчас нельзя... по закону штата Веракрус уже наступил режим тишины, понимаешь? – рассудительно и даже в некоторой степени дружелюбно объяснял он уже надёжно примотанному к стулу человеку с залепленным ртом и связанными руками, сноровисто подстилая под стул несколько слоёв полиэтиленовой плёнки, нарезанной из пары больших пластиковых мешков, найденных в кузове неотложки.

– Сейчас нам с тобой запрещено нарушать покой налогоплательщиков... мирно дремлющих у телевизора... вещающего им о колоссящихся надоях местного правительства... будем уважать права соседей... стул жалко, добротная мебель... придётся потом утилизировать.

– Ммым...

– Да не переживай ты так... – вытирая выступивший на лбу пот влажной салфеткой, предусмотрительно затем спрятанной в карман, с некоторым намёком на сочувствие заметил коренастый. – Мне то, что ты знаешь, не особо интересно... вон ему, хорошему, расскажешь, когда вернётся. Если сможешь. А я сегодня – плохой. Моя, блин, очередь. Он тебе что, не сказал?

– Ммммым... мууууумым... мммыыыым... муууыыуууыыымм... мууууум!.. ... ..

«Улетай на крыльях ветра» – мелодично убаюкивал окружающую действительность звуками оперы «Князь Игорь» предусмотрительно включенный на половину громкости плеер.

В данном случае своеобразная трактовка бессмертного произведения Бородина не рисковала чрезмерно привлечь внимание окружающих, так как звучала она совсем не по-русски в исполнении дуэта североамериканца Уоррена и носящей имя Сиссель стройной норвежской девушки.

– А теперь сделаем паузу, если ты не против. Ты ведь не против, правда? Сейчас я тебе немножко рот распечатаю, и ты мне всё расскажешь, хорошо? Тихо, внятно и без нервов. – дружелюбно предложил обвисшему на стуле пленнику коренастый, вытирая себе пот с лица очередной салфеткой и снова аккуратно пряча её в карман. – Все болезни – от нервов...

## Глава 8. Все болезни от нервов

«Нервничаешь?» – поинтересовался вдруг внутренний.

«Да нет, наверное», – удивлённо ответил я.

«А зря. И спросил бог сатану, не замечал ли тот раба<sup>42</sup>», – продолжило это невесть откуда взявшееся внутри меня нечто витать в облаках своей непонятно откуда всплывающей вдруг эрудиции, пока я в полусогнутом состоянии сонно тряс требухой над далёкой от московской в смысле качества псевдо-дорогой в набитом донельзя в утренний час пик тесном спичечном коробке на колёсах, кем-то зачем-то неискренне названном автобусом.

Чтобы скрасить себе некомфортное времяпрепровождение, попытался представить себе семейство владельца завода, производящего этакое транспортное чудо. Почему-то вообразились упитанные розовощёкие лица бывшей комсомольской, а теперь уже некомсомольской, то есть ещё более зажравшейся знати, у которой есть всё.

Имеются у них и построенные не ими ветхие уже заводы, которые дружно портят нам с вами воздух. Лопающиеся от роскоши замки и поместья их стоят большей частью отнюдь не на Волге. Шикарные яхты и обширные поместья с виноградниками услужливо обслуживаются по-европейски вышколенным персоналом, не понимающим ни слова по-русски.

Только дворянского званьица не хватает. Титулка какого ни на то. Вот такая печалька. И где же его взять бывшему первому, или даже не первому, но хоть какому-то секретарю? На этом моменте размышлений меня от души улыбнуло.

– Чо лыбишься, чмо? – послышался вдруг хриплый женский голос. Каким-то шестым чувством я почувствовал, что это было адресовано именно мне.

Сфокусировавшись на источнике неприятного звука, я увидел женщину далеко не первой свежести, и, скорее всего, не первой же судимости, прищурившись пялящуюся на меня с одного из ближайших ко мне сидений. Рядом с одной сидел человек с не меньшим, если считать по татуировкам на пальцах, опытом пребывания в пенитенциарных учреждениях.

– Я улыбаюсь хорошей погоде, – попробовал я незамысловато не дать возможности конфликту возникнуть, как это с умным видом советуют делать в подобных случаях модные сегодня авторы учебников прикладной психологии для чайников. И попытался незаметно отодвинуться поближе к выходу из квази-автобуса. Безуспешно – любое перемещение в этой консервной банке возможно только на остановке.

– Ты где, чмырь, погоду тут увидел? – оскалился в предвкушении развлечения всем своим металлом во рту её расписной сосед.

Я посмотрел внимательно в эти наглые буркалы, но решил всё-таки не связываться.

– Ты чо, парашник, от людей . . . бло воротишь? – включил своё гнусавое вещание в местный эфир один из двух утырков, сидящих сзади только что упомянутой мной навязчивой пары бакланов, непонятно что потерявших в этом эрзац-автобусе, полном обычных невыспавшихся трудяг вроде меня.

«Так, их уже четверо. И что им от нас надо?» – заволновался мой внутренний.

Любителей сцен энергичных разборок добра с превышающим числом злом путём применения навыков рукопашного боя я здесь разочарую: брехня это всё голливудская. Занимался я рукопашным, имею представление некоторое . . .

Одного из них, самого импульсивного, то есть наименее опытного, я, допустим, выну из пространственно-временного континуума на щепоть единиц времени натужным, но всё ещё результативным (нравится мне полагать) мае в челюсть на стадии его набега на меня, используя факторы неожиданности и сложения противоположно направленных векторов силы.

---

<sup>42</sup> Ветхий Завет, Книга Иова, гл. 1

Но, во-первых, в набитой донельзя жестяной коробке проделать всю эту красоту не получится по причине до обидного банальной – места маловато для таких изысков.

А во-вторых, потом оставшиеся всё ещё в численном превосходстве трое подостают из всех своих интимных отверстий колюще-режущие предметы. Они же с ними даже с... простите, в нужник ходят. По крайней мере, на свободе.

А при мне нет ни бронежилета, ни официальной корочки, ни кобуры с чем-нибудь достойным уважения внутри. Даже молоток или монтировку в руки неоткуда взять.

– На следующей выходите? – громко спросил я стоящую между мной и выходом из маршрутки дюжину полускрюченных и спрессованных в одно целое со мной пассажиров. Хотя мне ещё остановок пять надо бы ехать. Народ, сочувственно поёрзав, дружно отжал меня к выходу и умудрился выдавить-таки на остановке, как зубную пасту из тюбика. К моему изумлению, вполне целого и даже с обеими моими сумками. В одной – еда нам с собаками, в другой – ноутбук и прочие гаджеты.

«На следующем требухотрясе доеду без приключений», – подумал я, грустно пробираясь через глубокую лужу на бетонную плиту пустынной остановки.

Впрочем, возможно, кто-то ещё поблизости всё-таки присутствовал. Краем глаза я как будто заметил некое движение в районе виднеющейся неподалёку будки непонятого назначения. Как если бы кто-то из-за неё за мной скрытно наблюдал.

«Одно из двух: сезонное обострение либо там, либо здесь присутствует», – подумал я и тут же забыл.

А в это время, отъехав метров двадцать, недоавтобус опять скрипнул тормозами, и из него сначала быстро сыпанул добрый десяток более-менее предсказуемых пассажиров, а затем вышла вразвалочку та самая борзая четвёрка блатных.

Высыпавшиеся из коробка работяги молниеносно всосались обратно, и тот тут же исчез из поля зрения. На арене цирка остались только пятеро клоунов: я и эти четверо татуированных искателей приключений.

Последние, глумливо-плотоядно оглядывая меня, приближались нарочито неспешной развязной походкой. Причём у всех четверых и походка, и ухмылки были однотипны, невзирая на пол и возраст.

Не знаю, как вы, господа читатели, а я, как и подобает типичному ботану-подкаблучнику, ненавижу конфликты всей душой.

«Единственный способ показать хищникам, что ты – не добыча, – это шагнуть им навстречу, – включился в процесс нашей с ним самообороны мой начитанный внутренний, – при этом эксперты не рекомендуют явственно бросать животным вызов, показывая скорее готовность к бою, чем приглашение к нему».

– Интересно, эту развинченную походку они специально тренируют, или она у них в местах изоляции от общества сама собой формируется за годы отсидки? – достаточно громко подумал я вслух и, приветливо улыбаясь, шагнул навстречу своим гостям, краем глаза фиксируя предметы, способные помочь в процессе самообороны.

Одна стеклянная бутылка из-под пива под ногами да торчащий из земли неподалёку конец арматуры с неизвестной степенью выдёргиваемости. Негусто.

– Чо?! – удивились синхронно и довольно искренне мои оппоненты.

– Чокалка выросла? – осведомился я в ответ, подбирая пивную бутылку. Затем, взвесив снаряд в руке, я начал выбирать для неё цель.

– Ты чо, бессмертный? – ошалело прохрипел один из них. Тот, что постарше.

– Оно догадливо, – ответил я, – поэтому оно имеет шанс бежать – вдруг я догонять поленью из чувства брезгливости.

– Да ты... да... да ша я твои потроха... – дёргано сунулся первым нервный баклан моложе остальных, выщелкнув привычным движением нож с узким лезвием длиной сантиметров в пятнадцать.

Вот в его направлении я и метнул изо всех, что называется, сил поднятую бутылку, надеясь если не остановить агрессоров, то хотя бы слегка замедлить, чтобы выиграть время и попробовать ту арматуру из земли выдернуть.

Промазал.

И хорошо.

А то усадили бы меня за решётку надолго в компанию к таким же утыркам.

Но это я только потом понял. А сейчас я сначала тоскливо, а затем изумлённо провожал взглядом брошенный мной сосуд.

Твёрдое и тёмное в момент броска стеклянное тело в процессе полёта само собой ускорило, превратилось в оранжевый сгусток огня и, пролетев над мгновенно задымившимися головами нападающих, с ошеломляющей скоростью врезалось в находившийся не менее чем в ста метрах от остановки рекламный щит, предвещающий едущим по разбитой дороге всеобщее благоденствие и решение всех проблем, если они проголосуют за не вмещающееся целиком в имеющиеся рамки неискренне улыбающееся лицо с тремя подбородками якобы честного слуги народа.

Свето-шумовой эффект был, доложу я вам...

Событию получения отъётым ответом лицом давно ему причитающегося дружно отсалютовали сигнализациями все автомобили в радиусе примерно километра. Включая те, о наличии сигнализации на которых не подозревали даже их владельцы.

Рекламный щит дематериализовался в облачко пара вместе с холёной ухмылкой рвущегося расширить своё поле кормления взяточника и солидной металлической опорой на массивном бетонном основании.

Четвёрка полностью облысевших агрессоров слепо ползала на четвереньках посреди лужи грязи, охватывающей, как это обычно у нас в Замкадье принято, всю фронтальную часть так называемой автобусной остановки – то есть небрежно брошенной на обочину дороги отбракованной железобетонной плиты.

Мне почему-то захотелось немедленно прогуляться быстрым шагом до расположенной в паре километров от меня следующей остановки, невзирая на бездорожье. Что я и сделал. Но не сразу.

– Поднимитесь, женщина! – преодолевая дрожь в коленях и голосе, решил я проверить безумную догадку, мелькнувшую только что у меня в голове.

Единственная из четвёрки агрессоров представительница женского пола тут же послушно поднялась на ноги.

– Вы сейчас же идёте наниматься на работу уборщицей в муниципальное учреждение, обслуживающее городские общественные туалеты. Адрес конторы узнаете у любой из уборщиц. Назначаю Вам год работы. Будут жалобы – срок продлю.

– Поняла... это... как его... гражданин начальник, – прохрипела она и бодро потрусилась в направлении остановки – точно такой же лежащей посреди лужи бетонной плиты – на противоположной стороне улицы, что-то озабоченно бормоча себе под нос.

– Теперь вы трое встали, – уже более уверенным голосом велел я ползающим в луже гопникам.

Те тут же повскакивали на ноги и вытянулись передо мной, подслеповато моргая.

– Этот дорожный участок, сто метров до остановки и сто метров после неё, будет вами немедленно очищен. Всю лужу вычерпать. Затем устройтесь работать в компанию, которая этот участок дороги чистит. Год будете там работать на совесть. Понятно?

– Как найти эту компанию? – хрипло осведомился самый старший из них и, видимо, быстрее остальных соображающий.

– Трактор со щёткой за автобусом плёлся, минут через семь сюда доплюхает. У тракториста спросите адрес конторы. Теперь всё понятно?

– Понятно, – раздался нестройный хор голосов.

– Выполняйте.

Один из гопоты, самый молодой и, видимо, самый внушаемый, тут же начал черпать лужу сложенными вместе ладонями, брызжа жидкой грязью на обочину.

Второй, уже потёртый малость обыденностью, пошёл бродить по окрестностям и нашёл брошенную кем-то неподалёку совковую лопату со сломанным черенком. Ей он и начал работать неспешно.

Третий стал задумчиво ковырять позволившим-таки себя выдернуть из земли куском арматуры решётку сливной канализации, в силу неизвестных причин переставшей выполнять возложенную на неё функцию.

«Ну и как, трудно быть богом?» – невинно осведомился мой внутренний, когда я уже подходил к следующей остановке по уши в потёках придорожной грязи.

«Меня терзают смутные сомнения, – ответил я ему хмуро, – товар пощупать дали, а цену не назвали. Да и нужны ли сверхъестественные способности для подобной ерунды? Подумаешь, плазмой швыряться. Достаточно обычного Шмеля<sup>43</sup> образца 80-х годов».

«Нее... Шмельём металл не испаришь. Да и не купишь его в супермаркете... – возразил задумчиво внутренний, – У тебя же с собой ничего такого не было?»

«На инсценировку всё это смахивает. Рояль в кустах», – добавил я ему пищи для размышлений.

«Хм... а ведь и правда, странно всё. Постановка какая-то...» – подхватил он.

«Вот если бы узнать секрет, как отучить взяточников взятки брать, – крамольно подумал я уже втайне от внутреннего, – вот это было бы другое дело».

«Ну здравствуй, втайне он подумал! От кого?! – возмутился мой внутренний. – Ты это!.. давай, поосторожней думай на эту тему. А лучше вообще в том направлении не думай. А то чайку попьёшь где-нибудь или трусы не те наденешь, и всё, конец нам с тобой в этой физической оболочке. За нами ведь никто самолёт с врачами из Берлина не пришлёт, понимаешь?»

«Ну спасибо, – обеспокоился ответно я, – умеешь испугать не на шутку».

Вернувшись утром с суточного дежурства, я первым делом проверил дыру в кухонной стене, благоразумно загороженную мной давеча подпёртым кирпичом, обёрнутым в чёрный пластиковый пакет, большим листом фанеры с наспех повешенным поверх объявлением, внушительно гласящим: «Не трогать. Папа делает ремонт. А то всё сломается!».

Если первые два предложения ещё могли дать повод двум моим девочкам – жене и дочери – проявить своё естественное любопытство и сунуть любознательные носики куда не приглашали, то третье полностью исключало подобное развитие событий. А то всё сломается! А папа на работе до завтра. И кто же будет чинить это самое всё, если оно сломается? Нет уж, лучше не трогать!

Так что и лист фанеры, и обёрнутый в пластик кирпич остались ожидаемо нетронутыми, и за ними я застал всё ту же картину – проталина в стене и черти, в одной беснующиеся.

– Мы, значит, недоглядели? Мы, а не ты? – вопрошала своего товарища вполне невинным, но почему-то папахивающим озоном и потрескивающим грозовыми разрядами голосом номер один.

Я понял, что ничего не потеряю, если схожу в душ, после чего помою накопившуюся за время моего отсутствия в раковине посуду. Ну и чайку попить нелишним будет.

---

<sup>43</sup> Шмель – реактивный пехотный огнемет РПО-А разового термобарического действия, калибр 93 мм

– Ты же опять меня не так поняла!

– Ах, опять?! Я же тебя совсем не понимаю?! – прозвучало совсем уже...

Даже и не знаю, какими словами поточнее описать, как именно это прозвучало. Скажем, примерно так же, как услышана была плывущими на обломках корабельной мачты волна в левой верхней части картины «Девятый вал» Айвазовского. Видели?

Типа, сейчас начнётся самое интересное.

Я с любопытством поёрзал на сиденье кухонного диванчика, обитом мной добросовестно потёртой кожей, вырезанной из старой турецкой куртки. Устроившись поудобнее, я решил посмотреть, чем закончится это бесплатное для меня кино. Драма меня ждёт или комедия? Может быть, захватывающий боевичок? Эх, сюда бы ещё бумажный стаканчик попкорна. И баночку порезанных на четвертинки маринованных перчиков–халапеньос<sup>44</sup> к нему.

Вот говорят, что человеку нравится смотреть на огонь, воду и на то, как другие работают. Это утверждение неполно определяет круг предпочтений зрителя современного, уверяю я вас.

Сегодня некоторым из нас, часто независимо от нашего пола и возраста, почему-то нравится смотреть со стороны на чужие разборки в пространстве, которое эти странные толерантные европейцы называют забавным словом «прайвеси<sup>45</sup>». Хотя у Эндрю Хламова, хоть в передаче «Щас чуда». Да такого чуда на многих телеканалах хоть лопатой гребь. Это одна из причин, почему я их давно не смотрю.

И сидим ведь, ждём с наслаждением, кто у кого бельё погрязнее на белый свет умудрится вытащить. И торжествуя вывалит чужое исподнее самыми вопиюще неприглядными местами на наше выделяющее слюни от животного возбуждения обозрение.

Но не тут-то было. Внезапно завязавшаяся было вполне многообещающе прелюдия завершилась не менее молниеносно, чем началась. Симка, придя на кухню, вздумала утробно заурчать, начав непрошено тереться обоими своими заушиями о мою левую голень. Жрать хочет.

Я же ей ещё не положил. Мой недосмотр, признаю. Встал и полез в холодильник за её варёной курицей. Надо погреть. Не холодное же мясо кошке есть. Тут парочка в прогалине в стене синхронно замолчала и уставилась на меня, будто не веря своим глазам.

«Всё. Кина не будет, – буркнул тоже приготовившийся было безбилетно посмотреть мелодраму мой внутренний, – кинщик заболел».

– Ты что, заболел? А ну, дай лоб пощупаю. А ну-ка, дай сюда копыта. Холодные! Опять без свитера пижонишь?! И без носков?! Я так и знала! Точно, заболел! – выстрелила вдруг заботливой тирадой чертяка номер один в номера два как ни в чём не бывало и без единого намёка на намечавшуюся только что, казалось бы, грозу.

– Нет, с чего ты взяла? – ответил осторожно номер два с явным облегчением в голосе.

– А если нет, то давай-ка уже объясни человеку внятно, хватит резину тянуть.

– Эмм, с чего бы начать? – задумался номер второй.

– Может быть, с самого начала? – неосмотрительно предложил я.

– Эмм, с Самого Начала? – озабоченно осведомился номер два.

– Что, есть трудности начать с начала? – удивился я.

– Я попробую, конечно... Эмм... Хм... А Вам которое из Начал более интересно? И в какой версии? – внезапно озаботился чёрт номер два.

– Оставляю это на Ваше усмотрение, – нашёлся я после секундного замешательства.

– Ну хорошо, – вздохнул номер два, – а то терпеть не могу живописать некоторым любителям историй попроще, как некая тепличная парочка дорвалась до санкционных фруктов,

<sup>44</sup> Халапеньо (исп. – Jalapeño) – один из наиболее популярных на североамериканском континенте видов острого стручкового перца благодаря своему уникальному аромату и вкусу. Часто можно встретить его потребление, например, в мексиканских кинотеатрах в консервированном виде в качестве снека

<sup>45</sup> Privacy (анг.) – личное пространство, частная жизнь

вследствие чего мужчина родил мужчину, тот ещё народил мужчин, в результате чего последние, переполнившись братской приязнью, дружно бросились убивать друг друга.

«Я тоже эту историю как-то не очень», – вмешался в диалог мой внутренний голос. И я опять ему не стал перечить. Похоже, это становится нормой.

– Итак... Не было Небесного Света, так как не было видно на небе Светила, – начал нараспев свой неторопливый рассказ номер два. – Стало темно и стало холодно. Небо рождало дождь, смерть несущий всему живому. Люди в пятый раз начали заселять эту благословенную землю, и им не хватало Света, греющего их головы и посева... – здесь последовала многозначительная пауза.

– Тогда Боги разожгли Огромный Костёр и собрались на Совет. Им предстояло решить, кто из них наиболее достоин превратиться в Источник Света, принеся себя в жертву Божественному Огню... – снова пауза.

– И длился Совет Богов целую вечность. Само Время остановило своё течение. – номер два явно получал удовольствие от всей этой истории.

– В конце концов итогом Великого Совета стало избрание самого богатого из богатейших Богов, благородного старца Тексистекатля, сына Мудрого Тлалока, и самого бедного из беднейших и скромного из скромнейших, Нанауатля. Им предстояло начать эру Пятого Солнца, – продолжал чёт голосом потомственного московского интеллигента. Только папироски ему не хватало. Ну, вы знаете эту их особую эндемическую манеру держать папироску, отличающую интеллигента московского от, скажем, питерского или казанского.

– Ну тебя понесло, дорогой, – вмешалась номер один.

– Так он же сам хотел...

– А ты и расстарался не на шутку.

– Эмм... Ну ладно... Постараюсь быть несколько лаконичней. Итак, сколько всего измерений Вам известно, дражайший? – взял вдруг чертяка быка за рога. Да так решительно, что даже мой внутренний голос заинтригованно притих.

– Никак не меньше, чем другим! – уверенно парировал я. – Три пространственных: длина, ширина, высота. Одно внепространственное – время.

«Зачёт! Пространственно–временной континуум! Это вам не мясо из пельменей ковырять!» – ободрил меня мой внутренний, но как-то не особо уверенно.

– А что Вас заставляет думать, друг мой, – невинно осведомился мой собеседник, – что внепространственных измерений непременно должно быть меньше, чем пространственных... эмм... известных вашей цивилизации на её нынешнем этапе развития?

– Я не могу отвечать за всю нашу цивилизацию, – озадаченно промолвил я, – нас так в школе учат на протяжении последних полутора веков: осей координат в нашем пространстве три, поэтому оно и называется трёхмерным... а время – одно, и оно необратимо. Время течёт всегда в одном направлении примерно с одной скоростью.

– Ну что же делать... для начала пусть время будет абсолютно необратимой константой. Хотя, как мы все знаем опять же, ничего абсолютно абсолютного земной наукой пока не обнаружено. Но почему время должно быть одно? Осей в геометрическом пространстве вы знаете целых три, а в негеометрическом – всего одну? Где логика? – продолжал чёт испытывать моё серое вещество на изгиб.

– Хорошо, допустим, временных осей больше... Тогда мы можем по ним перемещаться точно так же, как по осям пространственным? Сел я, значит, на велосипед в двадцатом веке, а приехал в восьмом?

– Почему именно велосипед пришёл Вам в голову? В восьмом веке велосипеды были редкостью, – резонно одёрнул меня бес.

Мы с внутренним скромно потупили взор.

– Во-первых, этот вариант означал бы дополнительные расходы в смете либо на маскировку Вашего столь необычного появления, что довольно затратно, – продолжил тот, будто размышляя вслух, – либо на провозглашение Вас местным божеством в конкретных пространственно-временных координатах, что ещё более ресурсоёмко...

– Мы и не претендовали на какие-то ваши расходы, – прервал я, будто невзначай, его расчёты, напомнив о своём существовании.

– Во-вторых, а по Сеньке ли шапка? – строго заметил чёрт, – у вас вон на муниципальные выборы желающих не пускают, а уж в восьмой век...

– Так на выборы не пускают желающих именно те, кого я бы сам не то что в восьмой век, во вчерашний день бы не пустил – они же побегут все лотерейные билеты скупать, и это в самом безобидном случае! Но остальные-то все мы, в большинстве своём, нормальные!

«Ну зачем же сразу все? – оживился мой внутренний. – Дайте хоть один билетик купить! Вам что, жалко? Мы поделимся!»

– Вот потому и не по Сеньке шапка. Вам дай такой велосипед, и он мигом окажется в руках у тех, кого к нему и близко подпускать нельзя, – кажется, даже с некоторой ноткой сочувствия резюмировал чёрт.

– То есть, хотите сказать, что если не нас, то кого-то другого где-то, когда-то, куда-то пускают?!

– А как иначе Вы объясните себе находку в окрестностях мексиканского городка Акамбаро фигурок динозавров, вымерших, как достоверно известно вашим учёным, 65 – 66 миллионов лет тому назад, и статуэток людей, которые динозаврам современниками не были и быть не могли? Ваши эксперты оценивают возраст этих артефактов в пределах от трёх до шести тысяч лет, – интригующим голосом спросил мой собеседник из кухонной стены.

Не найдясь, что ответить, я молчал, стараясь делать это многозначительно.

– В местном музее Вальдемара Хульсруда их не один десяток тысяч, и это после того, как большая часть его парадоксальной коллекции, собранной в тридцатых – сороковых годах двадцатого века, вдруг кое-кому помешала... (тут он таинственно понизил голос) и исчезла в 1999 году. Представьте себе, бесследно.

– Припоминаю, да... Но там же есть альтернативное мнение! Некоторые скептики утверждают, насколько я помню, что фигурки были подделаны – вытесаны из камня и слеплены из глины местными крестьянами, насмотревшимися телевизора и начитавшимися комиксов и научных статей...

– Телевизора насмотрелись и научных статей начитались?! Жители небольшого провинциального мексиканского городка в начале прошлого века?! – довольно саркастически продолжила общение уже чертовка, – Вы уверены, что в начале двадцатого века упомянутые изготовители якобы подделок хотя бы слово «телевизор» где-нибудь слышать могли?

– Ну да, согласен, звучит забавно... – улыбнулся я.

– Кстати, свои якобы подделки они изготавливали в том числе и из чёрной оахакской глины, до месторождения которой от Акамбаро более шестисот километров! Пешком месяца три идти только туда, а потом столько же обратно. Ради того, чтобы кого-то обмануть?!

– На лошади побыстрее бы доехали!

– Мексиканские сельские жители в начале того века отнюдь не были избалованы такой роскошью, как избыток лошадей. Тем более в период местной гражданской войны 1910–1917 годов и последующего затем продолжительного этапа восстановления после неё, – последовало резонное возражение. – А что думать о выполненной в древнеримском стиле второго века до нашей эры терракотовой голове с несомненно европейскими чертами лица, найденной в окрестностях города Толука-де-Лердо?

– Что же в этом странного? Во втором веке до нашей эры Древний Рим как раз особенно процветал и распространял свою власть на всю Европу и значительные части Азии и Африки – удивился я.

«Точно!» – поддакнул мой внутренний.

– Дело в том, что юг Северной Америки в эту пору миллионы лет уж как не был частью Пангеи, то есть не являлся единым целым ни с Европой, ни с Азией, ни уж тем более с Африкой. Итак, откуда в гостях у ольмеков мог оказаться европеец?

– Ну, не знаю... заблудившийся корабль потерпел крушение...

– Хорошо, появлению геоглифов в пустыне Наска вы обязаны тоже потерпевшему крушение кораблю? Мария Райхе начала своё их изучение в начале сороковых годов двадцатого века. Может быть, их также начертили специально перед её появлением коварные селяне, на этот раз перуанские, начитавшись научных книг и посмотревшись телевизора до того момента? – саркастически спросила чертовка, – а изображения в пустыне Атакама? Начитанные чилийские земледельцы тоже с телевизором переборщили? И главное, зачем? Чтобы насолить испанским завоевателям? Так те и летать-то не умели. Или птичкам перелётным путь их скрасить хотели видными лишь с высоты рисунками?

## Глава 9. Мох – не птица перелётная, но тоже тянется на юг

Мохнатые и необычайно разлапистые туи то ли из-за болезни какой-то своей растительной, то ли вследствие долгого отсутствия ухода служили неплохой маскировкой входа в номер.

Беглая прогулка по территории мотеля позволила добыть мало-мальски пригодный на безрыбье чёрный чай хотя бы без ароматизаторов. Довольно уже набравшиеся сотрудники близлежащего супермаркета, эмоционально празднующие в одном из домиков мотеля какое-то корпоративно значимое событие, оказались довольно хлебосольными соседями. Искомое ожидаемо оказалось упакованной в бумажные пакетики чайной пылью, но другого, нормального, листового чая здесь почти не водится. А уж о зелёном и тем более улуне в здешних краях вообще мало кто слышал.

Информация о торчках с солидными калибрами получила свежее дополнение – к их домику только что стали подтягиваться непростого вида гости. По тому, как оные старались остаться незамеченными, было ясно, что пригласительных билетов у них наблюдается дефицит.

Тихо проникнув на территорию мотеля пешим порядком путём преодоления явно недостаточно высокой для них ограда с небрежно накиданной поверху колючкой, группа из шестерых одетых в тёмную одежду с капюшонами человек почти грамотно рассредоточилась по неосвещённым позициям на подходе к домику у секвойи.

«Ну прям ниндзя, – подумал сухощавый и метко метнул камешек в вентилятор, до этого момента тихо вращавшийся в форточке указанного строения, после чего поспешил вернуться незамеченным в домик номер 9, – сейчас шумно станет, надо менять место дислокации».

– Срочно надо менять место дислокации, – повторил он уже вслух, едва оказавшись с внутренней стороны хлипкой двери и сразу щёлкнув выключателем.

– Что случилось?

– Торчков сейчас штурмом брать станут... шумно будет.

– Кто, полиция?!

– Да нет, о приезде местной полиции вся округа бы за пару километров была оповещена и все бы уже разбежались, даже слепые, глухие и безногие. В здешних краях полиция не любит быть сюрпризом. Но, через полчаса и они здесь будут. Надо оперативно исчезать. Я за машиной. Подгоню прямо в дверь. Готовься грузить.

– Этот только размяк. Прям сейчас готов исповедоваться.

– Нет времени. Пеленай его со всем, что успеем забрать. У нас пара минут в лучшем случае.

Не оставили им ожидаемых пары минут. В районе секвойи раздалась длинная автоматная очередь, затем последовала сопровождаемая громкой нецензурной бранью серия из трёх взрывов, после чего завязалась вдумчивая перестрелка.

Сухощавый стремительно исчез в направлении парковки, а коренастый, даже не позаботившись запереть за ним хлипкую дверь, бросился в темноте заворачивать пленника в свёрток из листов расстеленного ранее полиэтилена. Уже заканчивая начатое, он почувствовал затылком неладное.

Оборачиваясь в падении, коренастый увидел чёрную тень в дверном проёме и ритмично пляшущий в срезе дула диковинного оружия язычок пламени.

Оказавшись на полу за только что сформированным свёртком, он быстро выхватил трофейный SD9, но применять его уже не было надобности: в передней части шеи у чёрной тени

вдруг вспухли друг за другом два фонтанчика, после чего тень безмолвно упала на пол, корчась нижней частью тела.

– Мал, да удал, – пробормотал возникший из темноты на месте упавшего сухощавый, убирая игрушечного вида Ruger в один из карманов своей жилетки, – похоже, пришли не за торчками...

– А за кем тут ещё? – удивился коренастый, быстро поднимаясь из-за вяло шевелящегося объёмного свёртка.

– Поглядим, – пробормотал сухощавый, насторожённо оглядываясь на дверь и окно, чего за ним обычно не водилось, и тут же ухватился за один конец свёртка, – ускоряемся!

Мужчины буквально за две секунды швырнули упакованного пленника в багажник автомобиля, после чего выдавший виды Форд с выключенными фарами стал отъезжать так же крадучись, как подъехал только что.

– К торговле даже не сунулись... с торчками закусились как бы вынужденно, в силу непредвиденных обстоятельств. Похоже, я им в этом малость подсобил.

– Как это?

– Да вентилятор у них больно тихо работал. Но... Пстой, а ты случаем не с ними поменялся номерами халуп?

– Ну да! Совсем не случаем. Именно у них с двери я девятку и позаимствовал тихонько. А им повесил нашу тридцатку.

– Почему именно у них?

– Во-первых, они самые дальние отсюда, во-вторых, торчки, в третьих, спать укладывались, в четвёртых, чётный ряд на нечётный сменил, ну и девятку при необходимости легко в шестёрку перевернуть, если что.

– Логично. Значит, они либо по нашу душу, либо... – тут сухощавый прервал свои размышления вслух и резко затормозил на выезде из мотеля прямо напротив домика местного менеджера.

Автомобиль остановился достаточно быстро, чтобы находящиеся в нём могли отчётливо услышать раздавшийся внутри домика выстрел и последовавший за ним по-собачьи искренний, полный тоскливой предсмертной беспомощности всхлип щенка-подростка, не сумевшего защитить свою семью. Тут же прозвучал детский негодующий крик.

– Дитё зачем... – прозвучало укоризненным полушёпотом – полу-выдохом. К домику молниеносно метнулась широкая тень.

– В дальнем углу слева, прикрылся ребёнком, – одними губами проинформировал сухощавый, не менее быстро оказавшийся у двери и разглядывающий обстановку внутри с помощью крохотного зеркальца с ручкой, похожего на то, что нам в рот в кабинете стоматолога регулярно наведывается, – на счёт семь шумни череп вправо на сорок, – попросил он неслышно и исчез за углом строения.

– Принял... – также одними губами ответил коренастый, начав мысленный отсчёт с одновременным ощупыванием крепкой ладонью дорожки под ним на предмет камешка нужного калибра.

На счёт семь метко брошенный камень звонко образовал в стекле самого правого окна крохотную трещинку. Человек в чёрном, выставивший перед собой в сторону входа оружие, зажатое в одной руке, и зажимающий другой рукой рот девочки, используемой им в качестве живого щита, нервно дёрнул головой в сторону источника звука. Хорошо повернулся, на сорок градусов... как и просили...

Две пули небольшого калибра почти одновременно деловито вошли без приглашения сквозь тонкую фанерную стенку домика и, почти не замедлив своего судьбоносного полёта, хищно впились сзади в мускулистое человеческое тело.

Как и их товарки пару минут назад, путь свой они проложили сквозь шею своей жертвы. Врезавшись между шейных позвонков, обтекаемые кусочки металлического сплава мгновенно перебили спинной мозг, лишив мишень способности активно контролировать ситуацию.

Рука, до того крепко сжимавшая рот ребёнка, безвольно вдруг обвисла, а из шеи забили пульсирующие фонтанчики. Почувствовав свободу, девочка кинулась к дверному проёму прямо в объятия появившегося там широкоплечего мужчины, встретившего её неожиданно доброй улыбкой: «*Todo esta bien, mi corazon... todo esta bien*<sup>46</sup>...»

Бегло брошенные ими внутрь помещения взгляды зафиксировали лежащее на полу выдавшее виды помповое ружьё Remington 870 и два горизонтальных силуэта в чёрной одежде с капюшонами.

Один из них скорчился в углу, полностью погрузившись в свои конвульсии. Тело второго, голень которого оказалась намертво зажатой честно исполнившими свой незамысловатый долг клыками мёртвой девочки от папы почти овчарки и мамы дворянских кровей, тихо остывало недалеко от входа в помещение.

– Сейчас полиция придет, давай, мы высадим тебя вон там, – предложил коренастый девочке, указывая на светящуюся вывеску расположенной неподалёку автозаправки, – а нам надо уезжать.

– Нет, сеньор, ни за что! – вцепилась она в мужчину мёртвой хваткой, – я здесь не останусь!

– Но мы не можем...

– Нет! – у ребёнка, похоже, начиналась истерика, – я не останусь!

На фоне внезапно оглушившей всех тишины, сменившей звуки закончившейся в дальнем конце мотеля с неизвестным счётом перестрелки, приближающиеся завывания полицейских сирен прозвучали неожиданно громко.

– Нет времени спорить, пусть пока едет с нами, если хочет, – буркнул сухощавый, садясь за руль Топаза.

– Я на секундочку! – девочка быстро метнулась к двери, сунула руку в темноту и, крепко зажав в ней большой, совсем не детский чёрный зонт-трость, тут же материализовалась на заднем сидении. На немой вопрос своего коренастого соседа, внимательно сканирующего дулом своего SD9 пространство позади спешно отъезжающего автомобиля, она лишь пожала плечами с загадочной улыбкой.

---

<sup>46</sup> Всё хорошо, моё сердынько... всё хорошо (перевод с исп.)

## Глава 10. Загадочнее тайны только тайна неразгаданная

«Настоящий Рыцарь Тайны!<sup>47</sup> – быстро мерил широкими шагами свой даже по университетским меркам аскетичный кабинет Марио. – Это же надо! Как можно было умудриться упустить двух косолапых русских, имея пятерых натренированных бойцов с опытом участия в реальных тактических операциях, достаточные полномочия от Ложи и щедро оплаченную лояльность местной власти?»

Тут он остановился на мгновение, будто прислушиваясь к чему-то.

– Не говоря уже о паре взятых в отнюдь не дешёвую почасовую аренду официальных удостоверений, – продолжил он через секунду возмущаться уже вслух, – и полностью легализованном арсенале, что нам тоже далеко не бесплатно достался!

В этот момент в дверь скромно поскреблись. Приблизившись к ней, Марио приложил ухо к висящему в рамке справа от двери изображению напоминающего многолапого паука символа. Затем он тихо отстучал пальцами ответ. То, что прозвучало шёпотом в дверной щели, привело его практически в бешенство.

«Он ещё и лучшего из бойцов позволил взять в плен!»

Загадочность, таинственность, налёт недоговорённости – непременно атрибуты масонства. Существующее довольно давно, а по мнению некоторых экспертов, чуть ли не со времён любителей попавших под санкции яблок Адама и Евы, тайное сообщество представляется человеку неискущённому неким симбиозом рыцарского ордена, мафии и сети кружков любителей эзотерики, мистики и магии.

Считающий себя в некоторой мере уже посвящённым в не слишком глубоко скрытые тайны Вольных Каменщиков неопит воодушевлённо возразит, что современные Ложи во многом открыты внимательному взору и несложно убедиться в том, что все их устремления направлены лишь на бескорыстное самосовершенствование с целью ненасильственного улучшения ещё столь полного неизжитых пороков человеческого общества.

Кое-кто, с той или иной степенью обоснованности уверенный в своём праве зваться адептом, то есть, скорее всего, осведомлённый едва ли лучше тех, первых двух, знает (или думает, что знает), что правы оба предыдущие докладчики.

Знает, но не скажет. Лишь многозначительно надует щёки. Дескать, намекнёт он нам с вами всем своим видом, говорящий – не знает, а знающий, как известно, не говорит.

А уж что доступно ведению и видению Верховных... Чтобы это узнать, придётся стать одним из Них. И как же оказаться в числе Первых, спросите вы? А вот тут вам не ко мне. 2 be 1 ask 1.

Спустя минуту после того, как профессор Санчес, закончив все запланированные на сегодняшний день лекции, устало вернулся в свой кабинет, чтобы заняться делами совсем иного рода, справа от двери неслышно для постороннего слуха завибрировала заботливо укрытая в надёжной рамке из огнеупорного пластика пластина из нераспознаваемого на первый взгляд материала.

Напоминала она довольно умело обработанный обломок плоского, выдавшего виды, но обладающего невиданной крепостью и живучестью камня с нанесённым на него очевидно уже очень давно и едва видимым, почти исчезнувшим за долгие годы существования, паукообразным символом.

---

<sup>47</sup> Рыцарь Тайны – довольно значимый уровень доверия, который оказывает масонская Ложа одному из своих членов

В отличие от представителей известного нам сегодня класса арахнид (паукообразных), изображение имело не восемь и даже не десять, а целых шестнадцать конечностей. Причём, все они выглядели одинаково развитыми. Что ещё более странно, скажет Вам любой арахнолог, конечности были расположены под одним и тем же углом к продольной оси тела их обладателя. Причём, геометрическая величина его в градусах менялась, будто многолапый паук синхронно шевелил всеми своими лапками, стоило посмотреть на рисунок под другим углом.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.